

Анекдотъ - короткій по содержанию и сжатый въ изложеніи рассказъ о замѣчательномъ или забавномъ случаетъ; байка, баутка.

(В. Даль)

Провинциальный анекдот

Выпуск II

Щуя, 2002

Шуйский государственный педагогический университет
Шуйский историко-художественный и мемориальный музей

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ АНЕКДОТ

Чтения по региональной казуальной истории

Выпуск второй

Шуя 2002

В сборнике представлены материалы III (2001 г.) Чтений по региональной казуальной истории, проводимых совместно ШГПУ и ШИХММ.

Авторов сборника – историков, литературоведов, краеведов и музейных работников объединяет не только «пространство-время» – Шуйский уезд Владимирской губернии в XIX - начале XX вв., но и общие представления о значимости истории повседневности, «микроистории» для знания о нашем историческом прошлом.

Новый раздел сборника «Записки провинциалов: век XX» содержит свидетельства шуян о прошедшем XX веке.

Книга адресована широкому кругу читателей.

*В оформлении обложки использован фрагмент вырезки
Капитана Воробьева – уроженца д. Тепляково Шуйского уезда.*

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Шуйского государственного педагогического университета*

Рецензенты:

*доктор исторических наук В.А. Евсеев
кандидат исторических наук Е.Ю. Фаркова*

© Шуйский государственный педагогический университет, 2002

© Шуйский историко-художественный и мемориальный музей, 2002

БОГАТЫЕ И ПРЕЖДЕ ТОЖЕ ПЛАКАЛИ

Мексиканский телесериал «Богатые тоже плачут», почти идентичный названию, вынесенному в заголовок, разве только недавно народившиеся дети не смотрели. Но кто из жителей Шуи знает, что нечто подобное случилось на нашей земле почти 170 лет назад?! Да, да... Сейчас я вам постараюсь восстановить в деталях интригующую историю из жизни «старых» богатых русских...

1831 год. В России свирепствует холера, унесшая много жизней и в нашем крае (только в Шуе около 500). В 1832 году к холере добавился неурожай хлеба. Покидали этот мир не только бедные, но и люди с солидным капиталом, в церковном облачении. Холера 1831 года унесла жизнь Василия Максимовича Киселева (ок.1765–1831), богатейшего шуйского купца, выходца из Кохмы, его сына Диомида, младшего из известных братьев-купцов уездного города – Никанора Посылина (1791–1831), весь причт старого Покровского собора в Шуе, протоиерея Крестовоздвиженской церкви того же города И.С. Флоринского... И вот в это время молодой помещик из с. Котцына, отставной штабс-капитан Николай Дмитриевич Ошанин (1804–ум. до 1877) пришел в Шую просить руки Анны (1815 – ум. ок. 1877), дочери Никанора Ивановича Посылина, старший брат которого Степан Иванович славился не только своим богатством, фабрикой, но и тем, что много лет был головой города Шуи. Николай Дмитриевич пробовал свататься к Анне Посылиной еще при жизни ее отца, но и покойный Никанор Иванович и дед Анны по материнской линии Василий Максимович Киселев своего согласия на брак не дали. Но вот обоих упрямцев не стало, и, казалось, никто не будет мешать любви купеческой дочери и молодого помещика. Но не тут-то было.

«Полный отказ, – поделился с друзьями городской голова П.А. Волков. – Степан Иванович, старший в семье Посылиных, и думать не велит на эту тему».

Шуяне ломали головы над причинами неуступчивости Посылина-старшего. Ошанины – добропорядочная старинная помещичья семья. Состоятельная. Отец Николая, Дмитрий Александрович (1771–1842), избирался как-то в уездные предводители дворянства. Николай образован, по-военному подтянут и хорош собой. Да и невеста «вся из себя». Чем не пара? Может, не нравился Степану Ивановичу смешанный брак? Может быть. Но ссылаясь Степан Иванович на отказ брата Никанора и Киселева.

Пересуды по поводу несговорчивости богатых еще не утихли, как утром 29 июня 1832 года произошло событие, которое буквально взбудоражило всю шуйскую округу. Это Николай Ошанин на глазах тетки Анны Посылиной и родной сестры буквально умыкнул молодую девушку, когда женщины высаживались из экипажа, доставившего их на литургию к Троицкой церкви. Точнее, дрожки с женской половиной еще не доехали до церкви, как юная Анна якобы нечаянно выронила носовой платок. Не успела она сойти за ним, как

дворовые люди Ошаниных подхватили девушку и посадили ее в крытую карету, которая на рысках скрылась из Шуи. Потом выяснилось, что Анна и Николай были в сговоре, и крытый экипаж, куда посадили Анну, доставил ее прямехонько в приходскую с. Котцына церковь, где жених, священник Павел Александров из с. Калачева, местный причт, поручители и гости уже поджидали невесту.

Купцы города Шуи негодовали: «Куда исправник смотрит?» Досталось и городничему В.Ф. Варсонофьеву. Варсонофьев, не так давно заменивший на этом посту многоопытного Шульгина, в свою очередь, возмущался: почему все косятся на него? Оправдывался:

– Ну причем здесь я? Вот лишняя доука на мою голову! Да если б я и погнался за ними, толку было бы чуть. Беглецы через каждые полчаса меняли экипажи, а я на своих дрожках перевернулся бы на первой кочке.

– А что Степану Ивановичу скажешь? Он в Москве. Знали, стервецы, когда бежать! Да и что он теперь поделает? Брак скреплен церковью. Разве что причту достанется на орехи. Сошлют в какой-нибудь отдаленный монастырь на принудительные работы.

Городничий оказался во многом прав. Возвратившись из Москвы, Степан Иванович первым делом обратился в суд. Началась затяжная двухгодичная тяжба, окончившаяся с внезапной смертью Степана Ивановича Посылина (1769–1834) и заточением священника Павла Александрова «в труды на три месяца» в Николо-Шартомский монастырь. Ту же меру наказания определила духовная управа и для дьяка с дьячком и пономарем из церкви в Котцыне.

Молодые же миловались в великолепной усадьбе Ошаниных в Котцыне. Утром проснешься с малиновым звоном, зовущим к заутрене в Воскресенскую церковь, расположенную по соседству и построенную на деньги отца Николая Дмитрия Александровича, и душа ликует. К небу просится. За окном липовый парк благоухает. По трем прудам, вырытым под усадебным взгорком, белые лебеди плавают. Девки, разноцветною ситцевою стайкою направляющиеся на сенокос, сено ворошить, поют протяжные песни о нелегкой бабьей доле. Любота да и только!

Что стало далее с молодыми – мало что известно. Во второй половине 1850 годов жили в с. Иванове. Водили дружбу с С. Нечаевым, Ф. Нефедовым, сестрами Надеждой и Аполлиinarieй Суловыми. Жили преподаванием Николаем Ошаниным детям Гарелиных, кохомских фабрикантов Щербаковых. Имели ли собственных детей – тоже предстоит выяснить. У стен котцынского храма похоронены Дмитрий Александрович Ошанин, братья Николая Дмитриевича: штабс-ротмистр в отставке Павел Дмитриевич (1807–1870) с супругой, полковник в отставке Михаил Дмитриевич, подпоручик в отставке Иван Дмитриевич (р.1827); сестры: Александра Дмитриевна (1813–1900), Мария Дмитриевна (1817–1859). Но упоминаний о Николае Дмитриевиче с женой нет.

Последним помещиком из Ошаниных в селе Котцыне был Андрей Васильевич Ошанин, жену которого звали Татьяна Валерьевна (в 1904 была приемницей дочери Татьяны местного священника Петра Ксенофонтовича

Лепорского). По сведениям старожила села Гусева (1900–1986), в революцию 1905–1907 годов барскую усадьбу, чтобы не сожгли революционно настроенные деревенские, охраняли специально вызванные казаки. Вскоре барыня умерла от тоски – городская, да и своих детей Бог не дал. А усадьбу-таки сожгли около 1910 года. Разоренный, обнищавший барин уехал простым невидным чиновником в город Шую в уездное управление.

В последний приезд в село его видели бабы, работавшие в поле. Видели, как он пешком уходил из Котцына к железной дороге на станцию Красносельская. Было это в 1913–1915 годах.

А.А. ШУСТОВ
(г. Иваново)

СЕМЬЯ СВЯЩЕННИКОВ ИЗВОЛЬСКИХ

Не секрет, что из шуйского духовенства вышло множество как выдающихся, так и просто интересных людей. Служители церкви не сосредоточивались лишь на быте и религии, они были творческими личностями. Ниже пойдет речь об одной такой семье.

Глава ее – бесфамильный Илья Григорьев, т.е. Григорьевич (1777-1844). Он обучался в Суздальской духовной семинарии в то время, когда фамилии для священнослужителей не были обязательными (а вот его брату Василию, который родился позднее на 11 лет, дали фамилию Миловидов). В 1799 г., окончив риторiku, он женился на Анне Федоровне (р. 1780) и был рукоположен в священники с. Вотня Юрьев-Польской округи Владимирской епархии. Селом этим владели тогда помещики Извольские, поэтому и стали дети Илья Извольскими. В 1803 г. иерея перевели в с. Арбузово Владимирского уезда, а через пять лет – в Спасскую церковь Шуи. С 1810 г. до конца своих дней отец Илья правил должность исповедника городского духовенства – обязанность почетная, исполняли ее люди уважаемые¹. Являлся также законоучителем Шуйского уездного училища с момента его создания (1824), кроме того, был его первым штатным смотрителем до 1830 г.², что опять-таки говорит о положительной репутации священника: не всякому можно доверить такую работу.

В связи с этим любопытные факты приводит в своих мемуарах шуйский краевед Ф.Г. Журов. В 1824 г. его отдали учиться грамоте к одной староверке, что было официально запрещено. Занятия проходили непременно в задней избе, потому что "смотритель уездного училища, священник Илья Григорьев, зорко наблюдал за таковыми запретными училищами. Наблюдая, он часто ходил по улицам и подслушивал под окнами, не читают ли где дети вслух"³. Видимо, наш герой обладал тонким слухом, т.к. Журову пришлось на следующий год поступить в подготовительный класс училища, затем, правда, бросить.

Вообще надо отметить, что среди знакомых Извольских имелось немало краеведов – и неспроста, ибо интерес к местной истории был типичен для образованных провинциалов. Под началом Илья Григорьевича в 1816-1820 гг. служил в храме дьяконом Василий Петрович Цветаев⁴ – дед не чуждых краеведению Ивана и Дмитрия Владимировичей Цветаевых (а их отец, будучи в то время ребенком, также, разумеется, был знаком с Извольскими).

Дружил спасский иерей и с известными знатоками Шуйской земли И.М. Лядовым и В.А. Борисовым. В 1840 г. при постройке нового храма Всемиловитвейшего Спаса рабочие, рывшие котлован, нашли старинные серебряные монеты с неясными надписями вроде "Игорь". В этот момент мимо проходил В.А. Борисов, которому священник и поспешил сообщить о находке денег эпохи князя Игоря. Подошедший Владимир Александрович, однако,

установил, что буквы эти – "ИГДРЬ", т.е. сокращенное "и государь", а относится клад ко временам Ивана Грозного⁵. Тем не менее находка и поныне имеет важность для шуян, которые должны быть благодарны настоятелю не существующей, увы, теперь архитектурной жемчужины города на Тезе. За что? За то, что не утаил сокровище, а познакомил с ним общественность (а ведь многие из нас – что греха таить – поступили бы сейчас иначе в подобной ситуации). В.А. Борисов остался благодарен краелюбу в рясе, всегда помнил об услуге, которую тот оказал горожанам и историкам, передав им клад. В своем весьма скупом дневнике В.А. Борисов специально отметил день смерти о. Илии.

Остался в истории и старший сын главы семьи – Александр Ильич Извольский (1804-1835). Он окончил Шуйское духовное училище (1819) и четыре класса Владимирской духовной семинарии (1823). С открытия Шуйского уездного училища служил в нем наставником, а с 1830 г. до кончины – штатным смотрителем⁶, дослужился до чина титулярного советника, но ранняя смерть положила конец его карьере. По свидетельству В.А. Борисова, он оставил после себя записки об истории Шуи, где, в частности, утверждал о существовании в Шуйской крепости третьих ворот – Тайницких, ведших к Тезе, с чем не был согласен маститый исследователь местной старины⁷. Статья А.И. Извольского «Город Шуя» была опубликована в журнале «Вестник Европы» (№ 6 за 1830 г.), издававшемся известным литератором М. Каченовским. Это первое специальное исследование о Шуе. До работы шуйского попovichа существовали лишь краткие описания уездного города в различных словарях, справочниках и учебниках. Заметки В.А. Борисова стали появляться только с 1839 г., так что Александра Ильича справедливо можно считать пионером нашего краеведения.

Остальные же дети Илья Григорьевича (Клеопатра, Иван, Григорий и Евгений) ничем примечательным не отличались, об их потомках ничего не известно. Но все равно семья Извольских двумя своими представителями принесла пользу Шуе и навечно вошла в ее историю, о чем и следует нам помнить.

¹ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 647. Оп. 2. Д. 56.

² Борисов В.А. Взгляд на грамотность шуян в XVII и XVIII столетиях и краткие сведения о находящихся ныне в Шуе училищах // Владимирские губернские ведомости. 1854. Неоф. часть. № 40.

³ Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на различных поприщах общественной пользы: Библиографический словарь. Владимир, 1917. С. 59-75.

⁴ ГАИО. Ф. 647. Оп. 2. Д. 53.

⁵ Лядов И.М. Заметка о монете Игоря // Владимирские губернские ведомости. 1876. Неоф. часть. № 39.

⁶ Борисов В.А. Указ. соч.

⁷ Он же. Описание города Шуи и его окрестностей. М., 1851.

Е.С. СТАВРОВСКИЙ
(г. Шуя)

УЧИТЕЛЬСКАЯ СЕМИНАРИЯ: ДВЕ НЕУДАВШИЕСЯ ПОПЫТКИ ОТКРЫТИЯ

В переводе с греческого «семинариум» означает «рассадник», то есть под семинарией более века назад понимался «рассадник» знаний, людей, дающих знания, очаг культуры. В XIX веке в России существовало два типа семинарий: духовные и учительские, затем появилась разновидность последних – церковно-учительские семинарии.

Учительская семинария – среднее учебное заведение, призванное готовить учителей для народных школ (училищ), таких как городские, уездные, земские. Принимались на учебу лица всех сословий православного вероисповедания не моложе 16 лет. По окончании трехлетнего курса воспитанники семинарии получали свидетельство на звание учителя начального училища. Кроме обычных учебных предметов здесь преподавались педагогика, природоведение, землемерие¹.

Учительские семинарии начали появляться в России с 1864 года. К концу XIX века их насчитывалось 63. Одна из них могла и должна бы находиться в Шуе, но... не судьба.

Итак, начнем все по порядку. В декабре 1874 г. в наш губернский город Владимир пришел циркуляр от руководства Московского учебного округа, в котором сообщалось о необходимости открытия учительской семинарии на территории Владимирской губернии. И 19 декабря губернское земское собрание выразило желание открыть такое учебное заведение, для чего выделило на это благое дело 15 тысяч рублей. Сумма, вроде бы, большая, но она не покрывала всех необходимых денежных затрат, поэтому сразу же возник вопрос о городе, который взял бы на себя все хлопоты и расходы на открытие семинарии (только на первоочередные затраты требовалось дополнительно не менее 15 тысяч рублей). Пока другие «скромничали», выступил киржачский купец 1-й гильдии А.А. Соловьев и предложил для размещения семинарии город Киржач Александровского уезда, при этом щедро пообещал пожертвовать на новое учебное заведение 15 тысяч рублей и к тому же выделить для него 40 десятин земли безвозмездно! Все сразу успокоились, главный вопрос повестки дня был закрыт². Губернская управа отписала о решении в Москву во все нужные инстанции, но Москва этим решением оказалась недовольна...

Товарищ (то есть заместитель) министра народного просвещения князь А.П. Ширинский-Шахматов, хорошо знавший ситуацию во Владимирской губернии по своему предыдущему посту Попечителя Московского учебного округа, высказал мнение, что «ныне Министерство народного просвещения по своим соображениям признает за лучшее открыть семинарию в г. Шуе»³. Тогдашний попечитель Московского учебного округа князь Н.М. Мещерский обратился письменно к шуйскому городскому обществу и шуйскому земству с

просьбой рассмотреть вопрос об устройстве учительской семинарии именно в Шуе. В письме говорилось, что город должен вложить в этот проект из своих средств сумму не меньшую, чем та, которую предложил щедрый александровский господин Соловьев. Причем семинарию нужно было открыть уже с начала 1875/76 учебного года.

Этот важный для нашего города вопрос обсуждался на заседании городской думы 14 мая 1875 года. Шуйские купцы были, конечно, не против открытия такого учебного заведения и в постановлении записали: «относясь с глубокой благодарностью к заботам Г-на Товарища Министра Народного просвещения князя Ширинского-Шахматова и Попечителя Московского Учебного округа князя Мещерского об умственном и нравственном преуспевании Шуйского уезда выразить полное сочувствие к предложению об устройстве в г. Шуе учительской семинарии, для чего и пожертвовать из городских средств 10 тыс. руб. в дополнении к ассигнованным губернским земским собранием 15 тыс. руб. на приобретение земли и устройство зданий»⁴. Все бы хорошо, но в постановлении ничего не было сказано о бесплатном участке земли, да и сумма в 10 тысяч рублей не была достаточной. Все это в дальнейшем сыграло роковую роль...

Хотя надо, конечно, понять прижимистость шуйских купцов. Значительные средства из своих «кровных» они жертвовали на храмы, на две гимназии, духовное училище, многочисленные школы, богадельни, приюты и т.д. А тут еще и не совсем понятное учебное заведение – учительская семинария. Лишь Иван Иванович Попов расщедрился и предложил свой двухэтажный каменный дом под семинарию на два-три года бесплатно, до устройства собственного здания семинарии. (Купцу Попову надо отдать должное – он всегда был в числе первых и главных жертвователей в Шуе на нужные городу дела, будь то гимназия, или железная дорога...)

В оправдание шуйским купцам нужно также добавить, что в устройстве семинарии они надеялись на помощь земства. Шуйская земская управа поддержала идею и в письме от 7 июня 1875 г. в губернскую управу сообщала: «в числе главных двигателей народного образования, без сомнения, на 1-м плане стоит учреждение учительской семинарии. Исключенные из духовных училищ, а также церковнослужители, отставные солдаты, простолюдины и вообще лица, которые только начали учиться, но недоучились, или только случайно узнали русскую грамоту – никогда не могут заменить учителя в строгом смысле этого слова; для этой цели необходимы люди, специально и правильно подготовленные, а иначе школьное дело останется без успеха; оно не будет приносить ожидаемых от него плодов и останется непроизводительным бременем для народа...»⁵. (Не правда ли, хорошо сказано!) Шуйское земство выделило денежные средства, но опять-таки недостаточно.

1 июля 1875 г. во Владимире собралось экстренное заседание губернского земского собрания, на котором главным был вопрос об открытии учительской семинарии на территории нашей губернии. Обсуждение было очень бурным и

эмоциональным. Сначала ситуация складывалась в пользу Шуи. Твердо за Киржач был лишь один дворянин из Александрова С.Д. Муханов. Но именно он и подпортил репутацию Шуи своими резкими и ехидными (в чем-то справедливыми) доводами типа таких: «Г-н Соловьев пожертвовал деньги из собственного кармана, а представители шуйского земства назначили их из других карманов, тогда как в Шуге есть личности не беднее г-на Соловьева»⁶! Постепенно образ Шуи в глазах собравшихся стал «меркнуть», но и Киржач выбрать было нельзя, это значило навлечь на себя гнев Москвы. В итоге победил... г. Владимир. Итоги голосования: за Владимир – 26 голосов, за Шугу – 4, за Киржач – 1⁷.

Наш губернский центр и себя не обидел, и перед Москвой не было стыдно. 6 ноября 1875 г. семинарию открыли во Владимире, но по разным причинам (в том числе финансовым) в 1878 г. ее перевели все-таки в заштатный город Киржач Александровского уезда.

Шуйские купцы не долго расстраивались, они «отыгрались» на двух шуйских гимназиях. 11 мая 1877 г. началось строительство здания для мужской гимназии. Уже к середине марта 1879 г. строительство было в основном закончено, и 2 сентября новый училищный дом был торжественно освящен. Менее чем за два года в Шуге появилось великолепное здание гимназии, для устройства которого было потрачено около 80 тысяч рублей: 20 тысяч руб. дал город, 30 тысяч руб. земство и 30 тысяч руб. было пожертвовано (вспомним, что на семинарию требовалось только 15 тысяч руб.). Среди главных жертвователей были богатые шуйские купцы: уже упомянутый И.И. Попов (5000 руб.), Алексей Александрович Посылин (4500), Леонтий Гаврилович Калужский (3000), Алексей Васильевич Щеколдин (2500)⁸. Одновременно с мужской устраивалась и женская гимназия. 23 мая 1878 г. городская дума приняла решение о покупке под женскую гимназию дома купцов Киселевых, что стоял в запустении на Спасской площади. Покупка обошлась в 25 тысяч рублей, да еще пришлось потратиться на капитальный ремонт здания. Но уже к лету 1880 г. все основные работы были закончены, и 16 августа того же года здание будущей женской гимназии посетил управляющий Министерством народного просвещения России статс-секретарь А.А. Сабуров и остался очень доволен увиденным. 1 октября 1880 г. состоялось освящение нового здания и одновременно открытие полной восьмиклассной женской гимназии...⁹

Вторая возможность открыть учительскую семинарию появилась в 1914 г. К тому времени шуйское общество в моральном плане уже было подготовлено и по-настоящему желало открытия семинарии (в отличие от 1875 г.).

2 октября 1913 г. Попечитель московского учебного округа обратился в шуйскую городскую управу с вопросом, «желает ли уезд (город) открыть семинарию в память 300-летия царствования Дома Романовых». Одним из условий открытия была бесплатная земля под здание семинарии, второе требование заключалось в близости семинарии к станции железной дороги.

6 ноября 1913 г. шуйская городская дума «признала желательным открытие в г. Шуге учительской семинарии и нашла возможность отвести под постройку здания для нее необходимое количество земли возле казенного винного склада»¹⁰.

На этот раз вроде бы всё было на стороне Шуи, но вскоре началась Первая мировая война, и открытие учительской семинарии пришлось опять отложить...

Открыть ее удалось только с третьего раза - 16 июля 1939 г. под названием Шуйского учительского института. Современный Шуйский государственный педагогический университет можно считать воплощением мечтаний и помыслов шуйских граждан конца XIX – начала XX вв.

Конечно, из-за этого «опоздания» в открытии педагогического учебного заведения наш город что-то потерял – в уровне образования, в более крепких образовательных традициях, в более интересной истории... Но главная потеря, думается, в том, что жизнь в Шуге была бы динамичнее, насыщеннее из-за значительного количества неординарных людей среди учащихся и учащихся. Напомню, что на территории современной Ивановской области до революции была церковно-учительская семинария в селе Хреново близ Вичуги, в которой среди прочих учились Питирим Александрович Сорокин (1889-1968), мировой известности ученый, один из основателей социологии, и Николай Дмитриевич Кондратьев (1892-1938), известнейший ученый экономист, автор теории «больших циклов конъюнктуры» («циклы Кондратьева»). А в единственной во Владимирской губернии Киржачской учительской семинарии постигали курс наук вице-президент АН СССР Иван Михайлович Губкин (1871-1939) – основатель советской нефтяной геологии (его имя носит ныне Российский государственный университет нефти и газа) и ученый языковед член-корреспондент АН СССР Василий Ильич Чернышев (1866/67-1949), один из организаторов составления «Словаря современного русского литературного языка» (1848-65). Вот такие выдающиеся люди вполне могли жить и учиться в нашем городе, если бы в 1875 году учительская семинария состоялась в Шуге...

¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 69. С. 121.

² Доклады Владимирской губернской земской управы. 1875. С. 16.

³ Государственный архив Ивановской области (ГИАО). Ф. 369. Оп. 1. Д. 275. Л. 1-1об.

⁴ Там же. Л. 2об.

⁵ Доклады Владимирской губернской земской управы. 1875. С. 17.

⁶ ГИАО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 275. Л. 12.

⁷ Там же. Л. 13об.

⁸ ГИАО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 127. Л. 76.

⁹ ГИАО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 528.

¹⁰ ГИАО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2466. Л. 2об.

И.В. БОРОВКОВА
(г. Иваново)

ШУЙСКИЙ СЮЖЕТ В РАССКАЗЕ К. БАЛЬМОНТА «ЛИВЕРПУЛЬ»

Сборник рассказов К. Бальмонта «Воздушный путь» (1923) состоит из произведений по большей части автобиографических. Воспоминания о минувших днях, размышления о жизни, ее смысле и ее мгновениях, иногда страшных, иногда трогательных, иногда трагикомических, – вот что составляет основу всей книги.

Рассказ «Ливерпуль» (1909), входящий в сборник, не является исключением. Написанный от первого лица, он представляет собой воспоминания взрослого человека о юношеских днях своей жизни, прошедших в родном провинциальном городке.

Время действия – те далекие дни, когда автор учился в шестом классе гимназии. Время для него «мучительное». Школьные науки он ненавидел, к тому же «рано узнал женские ласки»¹. Это было время ломки характера, тревожного ожидания чего-то нового и мучительной борьбы с самим собой.

Именно в это время, в 1883-1884 гг., и произошли описанные в рассказе события. Гостиница «Ливерпуль», название которой значится в заголовке, принадлежала Ивану Федосеевичу Резнину. Фамилия, как говорили в Шуе, ему весьма подходила. Дело в том, что ранее, по слухам, Иван Федосеевич был цирюльником в Нижнем Новгороде. Будучи единственным свидетелем ярмарочного самоубийства, он полтора года отсидел в тюрьме, за отсутствием улик был оправдан, из Нижнего Новгорода уехал. «В разных городах побывал, попал в наш городок, снискавший прозвище русского Манчестера, построил исполинскую гостиницу и, должно быть, во внимание к славе нашего фабричного местечка, наименовал свою гостиницу «Ливерпуль» (с. 138). Находилась она недалеко от соборной колокольни и большой базарной площади. Здание состояло из пяти этажей. Самым роскошным был второй этаж, который сдавался под концерты и любительские спектакли.

Автор-рассказчик был хорошо знаком со всем семейством Ивана Федосеевича благодаря тому, что учился в одной гимназии с его младшим сыном Павлом. Возможность установить, насколько все это соответствует фактам действительной шуйской жизни, представляется маловероятной, хотя краеведческие разыскания могут что-то и прояснить. Однако заметим, что семейство Резниных описано в рассказе весьма живо. Вся история с гостиницей «Ливерпуль» и ее владельцами являет собой яркий образец провинциальной жизни во всем ее уродстве и обыденности одновременно.

Трагедия владельцев гостиницы состояла в пьянстве и нескончаемых запоях. Хотя, как отмечает автор, в те дни он «испытывал глубокое презрение, смешанное со страхом, ко всем, кто себя одурманивает вином» (с. 139), это не помешало ему впоследствии сделать подобных людей героями своих

воспоминаний. Следует отметить, что страшное, низменное, опасное стало темой многих рассказов сборника «Воздушный путь». Так, рассказ «Крик в ночи» посвящен трагической истории из жизни молодой семьи. В нем – смерть ребенка, несчастный случай с его отцом, больше похожий на попытку самоубийства. Автобиографический рассказ «Воздушный путь», открывающий сборник, посвящен неудавшейся попытке самоубийства Бальмонта.² Таким образом, «Ливерпуль» – своеобразное продолжение темы смерти, рока, судьбы.

Насколько человеческая личность подвержена влиянию темных сил? Может ли она сопротивляться им? Этими вопросами невольно задается читатель рассказов Бальмонта. Писателя привлекает таинственная сторона жизни, как говорят сейчас, «сфера подсознательного».

Несколько раз на протяжении повествования у рассказчика возникает смутное желание совершить убийство. Нервное возбуждение, в котором он пребывает, делает особенно явственным дыхание смерти. Незначительные детали вызывают в воспаленном мозгу опасные ассоциации. Так, зловещим казался рассказчику шестой недостроенный этаж гостиницы. «Почему на меня так действуют самые простые вещи? – подумал я, припоминая перекладки незаконченной постройки. – Ведь не виселица же там» (с. 143). Этот мотив получает в дальнейшем свое развитие.

Действительно, драма, разыгравшаяся в «Ливерпуле», закончилась смертью старшего сына Ивана Федосеевича, Петра. В пьяном угаре тот бросился вниз с одной из перекладин недостроенного этажа. Отец с горя закутил, по заведенному обычаю отправился купаться в прорубь и там утонул. Гостиница досталась младшему сыну, но через некоторое время сгорела.

Завершается эта история традиционно для Бальмонта-рассказчика. Все возвращается на круги своя. «Ливерпуль» снова отстроили, удовольствовавшись, однако, пятью этажами. Имя гостиница получила новое – «Бирмингам». Младший сын Павел, которому она досталась, во время всех происходящих в рассказе событий водки не пил и даже «испытывал презрение к пьящим». Но вот после «сделался одним из горчайших пьяниц русского Манчестера» (с. 141).

Круг замкнулся. И человек в этом кругу остался заложником жестокой и темной судьбы. Это касается не только хозяина гостиницы с сыновьями, персонажей произведения, но и самого автора-рассказчика. Он также чувствует на себе цепкую хватку жизненных обстоятельств: «Вы вот, молодой человек, – говорил мне Иван Федосеевич, – говорят, литератором быть собираетесь. Так как же вы водочки не изволите откушать? Литераторы все пьяницы. Кто пишет, тот должен пить. Потому как он тогда в двойное зеркало все видит. Вы не смейтесь! Я ведь это не про то говорю, что иной раз, когда перехватишь, так двоится в глазах. Нет это уж последнее дело. За этим черти пойдут и насекомые. Тут уж бросать нужно пить-то. Нет, я это вот про что. Сидишь это, сидишь весь день у окна за стойкой, видишь людей, много их видишь, но все по-наружному. Примечаешь, однако, за ними и то, и другое. И вот начинаешь во внутренность их заглядывать. И как это начнется, на водку потянет. Выпьешь – хорошо.

Выпьешь еще – и человек как на ладони. Все видишь. Что думают, чего боятся, кто у кого что украл, кто кому как завидует, кто на что готовится, все, все. Как в святцах определяю. Так вот, значит, и вам будет это пользительно. Человеческую натуру определять. Позволите? Эдемский напиток. Соизвольте откусать, Василий Митрич» (с. 139). Душа человека подвергается соблазну, причем так искусно соблазнять, кажется, способен только сам дьявол.

В рассказе вскользь упоминается, что хозяин гостиницы «любил читать Библию, и с зловещей неожиданностью вставлял иногда в полупьяный разговор меткую цитату оттуда». Однако в дальнейшем библейская тема не получает своего развития. Бальмонт не дает героям зримых полюсов добра и зла.

Человек сам несет в себе оба начала. Он один в бушующем океане жизни. И только его личность способна придать смысл земному существованию. Примечательно в этом отношении следующее признание автора-рассказчика, сделанное в самом начале произведения: «Я прочел еще в это время, впервые, незабываемое «Преступление и наказание», и книга эта, словно ночное зарево, осветила все в душе моей тревожным светом и звала меня, толкала, гнала куда-то, точь-в-точь как зовет и гонит проснувшегося перебоем звучащий ночной набат» (с. 137).

Почему Бальмонт, «поэт с утренней душой» (А. Блок), обращаясь к прозе, выбирает порой темами своих рассказов темные и отвратительные стороны человеческой жизни? Судя по всему, причиной служит не только приверженность автора к символистско-декадентским началам литературного творчества, но и обстоятельства его биографии. В конце 1900-х гг. (именно к этому периоду относится написание рассказа) он многое переосмысливает в своей прежней жизни. В написании «темных» произведений видится своеобразная попытка преодоления тьмы. И тем более ценно для нас знать, что в дальнейшем у него будет еще много стихов, воспевающих жизнь и Солнце.

Всем пламенем, которым я горю,
Всем холодом, в котором замерзаю,
Тоской, чьим снам ни меры нет, ни краю, -
Всей силой, что в мирах зажгла зарю,
Клянусь опять найти дорогу к раю, -
Мне бог – закон, и боль – боготворю.³

Из стих. «Адам», сб. «Ясень» (1916)

¹ Бальмонт К. Где мой дом: Стихотворения, художественная проза, статьи, очерки, письма. М., 1992. С. 137. Далее ссылки на рассказы Бальмонта приводятся по этому изданию в тексте с указанием в скобках страницы.

² В письме М.А. Волошина, близкого друга К. Бальмонта, к А.М. Ремизову (лето 1908 года) читаем следующее: «... Бальмонт вчера проезжал через Париж в Мюнхен. Там он месяц пробудет... <...> Бальмонт за это лето написал пять рассказов. Про себя. Но реальные. Мне читал в Боле лишь первый. Очень, очень хорошо. Хотя, может быть, потому, что его очень жалко: это как он в окно бросался». Автограф хранится в ОРФ ГЛМ. Ф. 227. Ед. хр. 14. Опубликовано в журнале «Российский архив» Т. V. М., 1994. С. 433.

³ Бальмонт К.Д. Словечные песни: Сочинения (избранные стихи и проза). Ярославль, 1990. С. 184.

**КУРЬЕЗНЫЕ ЭПИЗОДЫ ИЗ ЖИЗНИ
ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ КЛУБОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ)**

В России второй половины XIX – начала XX вв. шёл сложный процесс формирования «гражданского общества». Одним из проявлений этого стало возникновение многочисленных неполитических общественных организаций (благотворительных, научных, развлекательных, спортивных и пр.) Основной причиной их открытия была неспособность власти и отдельных частных лиц решить многие проблемы в сферах социальных отношений, экономики и культуры. В то же время, весьма очевидно, что появление в России большого количества легальных организаций стало своеобразным стремлением передовых слоёв населения «не отстать от Запада». Прежде всего это касалось таких объединений, как клубы, общества трезвости, «Детские майские союзы», организации эсперантистов и т.д. Вместе с тем учредители провинциальных неполитических объединений часто руководствовались соображением «быть не хуже столиц». В результате такого подражания многие легальные организации из российской глубинки весьма существенно отличались от своих прототипов, а их жизнь была полна курьёзов и недоразумений. Это можно проиллюстрировать на примере общественных собраний¹ Владимирской губернии.

Известно, что родиной клубов является Великобритания. В России первые такие объединения возникли по инициативе иностранцев в конце XVIII в.² По нашим данным, во второй половине XIX – начале XX вв. в рассматриваемой губернии действовало более 30 клубов. Они работали в городах и промышленных селах и объединяли представителей самых разнообразных слоёв населения: дворян, купцов, мещан, крестьян и др.

Традиционно все отечественные клубы преследовали общую цель: предоставить своим членам возможность приятно и культурно проводить свободное время. Обычно собрания открывались вечером и работали до полуночи или часа ночи³.

Основным видом клубного развлечения были карты и бильярд. Редкие посетители выбирали домино и шахматы. В 1908 г. корреспондент «Старого Владимирца» так описывал увиденное в одном из меленковских собраний: «Буфет открыт. Весело стучат шары в бильярдной. В зале светло. Играют в карты. ... На столе – куча денег. Лица раскраснелись. Некоторые мрачны...»⁴. Несмотря на то, что азартные игры⁵ в клубах были запрещены, в некоторых организациях процветали «железка», «трынка», «стуколка» и другие недозволенные развлечения. В марте 1913 г. начальник Владимирского губернского жандармского управления сообщил губернатору о том, что в помещении Александровского общественного собрания «сначала втихомолку, в

старшинской комнате, а в настоящее время и в общих залах ... почти ежедневно ... ведется игра в «железку». Она ... популярна даже за пределами города, и на гастроли приезжают ... иногородние. ... Например, из Москвы появляется какой-то дьякон, из Сергиева Посада – инспектор страхового общества «Саламандра». После знакомства с этим рапортом губернатор закрыл собрание, объявив ему, что оно нарушило устав⁶.

Некоторые богатые организации имели свои театры. К числу таких объединений относились, например, общественное собрание и клуб приказчиков в Иваново-Вознесенске. На их сценах шли оперы, оперетты, ставились драмы, комедии и фарсы. Репертуар зависел от антрепренера и вкуса публики. Вниманию зрителей предлагались такие пьесы, как «Дядя Ваня» А.П. Чехова, «Ревизор» Н.В. Гоголя, «Горе от ума» А.С. Грибоедова, «Идиот» по Ф.М. Достоевскому и др. В то же время провинциальные подмостки знавали и менее изысканные постановки. В 1911 г. корреспондент «Иваново-Вознесенской жизни», посещавший театр клуба приказчиков, писал: «Репертуар последней половины сезона был ... составлен для той части посетителей, которая ищет в театре пикантных фраз и глубоких дамских декольте. ... Ставили то, чего требует вкус нетребовательной толпы. ... На афишах аршинными буквами красовалось: «Учащимся вход воспрещается»⁷.

При упоминании об английских клубах XIX – начала XX вв. в сознании большинства наших современников «всплывает» картина, изображающая джентльменов, курящих сигары, читающих газеты или степенно играющих в карты за аккуратными столиками. В отечественных собраниях порядка было намного меньше.

Об этом, в частности, свидетельствует провинциальная пресса и полицейские документы конца XIX – начала XX вв. Драки и перебранки обычно возникали после распития спиртных напитков, продававшихся в буфетах при клубах. В 1907 г. один из гостей ковровского собрания «в порыве благородного негодования возымел «справедливое» желание разорвать обидчику голову шашкой, но, сообразив, что это может иметь для него ... неприятные последствия, разорвал только столик в буфете, а члену клуба сделал ... рукоприкладство к физиономии»⁸.

При том же ковровском собрании находился парк. Летом 1908 г., по невыясненным причинам, он был закрыт, а для того, чтобы «джентльмены» не вылезали в сад через окно, его загородили колючей проволокой⁹.

К сожалению, старшины (выборные лица, следившие за порядком в клубах) далеко не всегда справлялись со своими обязанностями, а нередко и сами становились зачинщиками потасовок. Корреспондент «Старого Владимирца» так описывал происходившее в Шуйском общественном собрании: «Гуляющим в городском саду нередко приходится слышать несущиеся из клуба крепкие русские словечки. Сначала вы подумаете, что это извозчик отчитывает нерасплатившегося седока. Оказывается – нет. Это некоторые из старшин «объясняются». А раз было видно, как за перила террасы клуба летела трость, а

за ней – и обладатель ее, пущенные «расходившейся» рукой старшины. ... В другой раз по буфету ... летали стулья. Гостю, который сделал замечание одному из ... старшин, запрещен вход в собрание на два месяца»¹⁰.

«Слава» о И.Н. Волкове, колористе фабрики М. Гарелина и старшине Клуба господ приказчиков в Иваново-Вознесенске, дошла даже до помощника начальника Владимирского ГЖУ. По его сведениям, Волков «был человеком, хотя и образованным, но грубым и ... до крайности невоспитанным; получая около двадцати тысяч ежегодного вознаграждения, [он] считал себя ... много выше губернатора»¹¹.

Как видим, нравы российской глубинки существенно изменяли облик общественных организаций, заимствованных с Запада, и приказчик из Шуи или Иваново-Вознесенска не становился джентльменом оттого, что посещал клуб. Однако, несмотря на очевидную курьёзность деятельности многих собраний, они предоставляли горожанам и селянам редкую по тем временам возможность культурно провести свободное время (другое дело – как они этот шанс использовали).

¹ Так в дореволюционной России нередко называли клубы.

² Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. XV. СПб., 1895. С. 424–428.

³ Устав Юрьевского общественного собрания. Владимир, 1883. С. 3–4; Устав общественного собрания при судостроительной верфи Кулебакского горного завода близ с. Литни Муромского уезда Владимирской губернии. Муром, 1913. С. 1–3.

⁴ Старый Владимирец. 1908. 23 декабря.

⁵ «Азартные игры – игры, в ходе которых ставки постоянно возрастают, а выигрыши зависят от случая (например, от случайного расклада карт)». (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 19).

⁶ Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО). Ф. 521. Оп. 1. Д. 45. Л. 1, 29.

⁷ Государственный архив Ивановской области. Ф. 2. Оп. 2. Д. 488. Л. 4–5; Ивановский листок. 1910. 2 мая, 23 июля; Старый Владимирец. 1911. 26 августа; Иваново-Вознесенская жизнь. 1911. №2. С. 2.

⁸ Старый Владимирец. 1908. 27 ноября.

⁹ Там же.

¹⁰ Старый Владимирец. 1912. 2 июня.

¹¹ ГАВО. Ф. 14. Оп. 6. Д. 1098. Л. 2–3.

К.Е. БАЛДИН
(г. Иваново)

«СЕРЫЕ РАЗБОЙНИКИ» ИЛИ ПИЛЮЛИ ДЛЯ ВОЛКОВ

Известно, что в процессе междисциплинарных исследований на стыке наук порой рождаются настоящие открытия или всплывают на поверхность весьма интересные факты. Нас, в частности, заинтересовало пограничье таких наук как повседневная история и зоология. Речь пойдет о бытовании волков в ивановском крае во 2 половине XIX - начале XX вв. и о способах борьбы с ними.

В начале 70-х гг. XIX в. глухие сведения о безобразиях, творимых волками на просторах Российской империи, обеспокоили высшие власти в Петербурге. По почину Министерства внутренних дел на местах были собраны сведения об уроне, который приносили волки отечественному животноводству. Эта статистика выявила удручающую картину: только в одной Владимирской губернии волки за 1873 г. истребили 2400 голов крупного рогатого скота и 11100 голов мелкого скота¹. Губернаторы не ограничились сухими статистическими цифрами, они приводили также факты, которые иначе как страшноватыми не назовешь.

Как оказалось, волки безобразничали не только в родной стихии, т.е. в лесу или в поле, они активно вторгались в непосредственную сферу деятельности человека, причем появлялись не только в деревнях и селах, но и в довольно крупных городах. Владимирский губернатор докладывал, что «волки в здешней губернии сделались до того смелы, что даже на охоте они не убегают, как бывало, от собак, а, напротив, бросаются на них и нередко рвут их в глаза охотников». При этом начальник губернии добавлял, что в 1874 г. волки свободно гуляли ночью по Владимиру, хватали собак и нападали на людей.

В Иваново-Вознесенске в 1874 и 1875 гг. волки отваживались появляться на улицах даже среди бела дня. В «Русском Манчестере» нередкими были такие дикие случаи. В центре города, на современной площади Революции, стояли торговые ряды. Вечером приказчики запирали лавки и привязывали рядом собак «дворянской породы», чтобы ночью охраняли хозяйское добро. Утром иногда оказывалось, что цепь на месте, ошейник тоже, а от собаки, заеденной волками, осталась одна голова².

Сильно досаждали волки и гражданам уездного города Шуи. В начале 60-х гг. их часто видели даже не по одному, а небольшими стаями в самых ближайших окрестностях города – верстах в одной-двух от него, забегали серые и в город.

Особенную активность они проявляли во время волчьих свадоб, которые происходят в самое морозное и голодное для волков время – в декабре-январе. Об одном таком волчьем празднике поведал часовой, стоявший ночью при шуйском пороховом складе. По его словам, сбежалось около двух десятков хищников. Свадьбы у волков, как и у людей, часто сопровождаются драками. На

глазах у солдата несколько матерых волков загрызли волка слабосильного и тут же разорвали его на куски.

Другой случай в Шуе можно назвать страшным и забавным одновременно. Однажды волк забежал в шуйскую торговую баню. Дело происходило так... День был банным, и местные обыватели с удовольствием парились. Неожиданно в открывшуюся дверь пулей влетает охваченная ужасом собачонка, а в двух шагах от нее – волк. Можно представить, какой переполох произвело это явление среди моющих³.

Если такие случаи были возможными в городе, то в сельской местности у крестьян порой просто руки опускались, они ничего не могли поделать с распоясавшимися серыми разбойниками.

В начале июня 1874 г. по Шуйскому уезду поползли упорные слухи об объявившейся волчице-людоеде, которую крестьяне звали не иначе как «тигра».

Все началось с того, что верстах в 20 от Шуи волчица сожрала четырехлетнего ребенка. Затем она растерзала восьмилетнюю крестьянскую девчущку, которая брала в лесу ягоды вместе с подругами. Еще через несколько дней она выхватила почти из-под ног матери шестилетнего ребенка и одним ударом оземь убила его. Вскоре она утащила девятилетнюю девочку в кусты на окраине деревни, хотя буквально рядом крестьяне жали яровое.

В сентябре 1874 г. счет жертв шуйской «тигры» дошел уже до десяти детей. Причем съела она только первого из них, остальных загрызла и даже не отнесла своему выводку волчат. Только осенью местные полицейские власти и земство спохватились и организовали облаву. Было мобилизовано около 1 тысячи местных жителей, пригласили двух опытных охотников. Люди со всех сторон окружили лес, в котором, как предполагали, жила волчица, и начали сходитья, все больше сужая кольцо. Но загонщики действовали непрофессионально, и кое-где строй рассыпался. Этим воспользовалось волчье семейство, сумевшее прорваться сквозь оцепление. Только один волчонок был ранен в ногу, но все равно ушел.

На вторую облаву пригласили солдат, но воинская часть опоздала к назначенному времени, и охота сорвалась. Третья облава при участии солдат все же состоялась, но волков в окруженном людьми лесу не было. Вероятно, разбойники ушли в другие места, причем далеко, т.к. сведений о них больше не поступало⁴.

Нельзя сказать, что власти не предпринимали никаких мер против реально существовавшей опасности. В августе 1874 г. начальник Владимирской губернии предложил губернской земской управе обсудить меры по истреблению волков. По времени эти действия совпадали с разбоем, учиненным волчицей-людоедом в Шуйском уезде, и, вероятно, именно эти события сдвинули с места неповоротливый бюрократический механизм.

Такие проблемы, как борьба с волками, решались в земстве не на губернском, а на уездном уровне. Осенью 1874 г. как обычно состоялись уездные земские собрания. Во Владимирском уезде гласные постановили выдавать по

3 рубля за каждого убитого волка, в Юрьевском – 1 руб., но каждому, кто возьмется убить волка было решено выдавать авансом фунт пороха. Как видно, средства, отпущенные для поощрения охоты на волков, были более чем скромными. Трудно предположить, что кто-либо стал за один или три рубля тратить несколько дней на выслеживание и охоту, рискуя при этом здоровьем или даже жизнью⁵.

Тем не менее, поиск решения этой серьезной проблемы на местном уровне продолжался, к этому подключились и некоторые энтузиасты.

Еще в 1873 г. в Петербург в комиссию по пересмотру правил об охоте, работавшую при МВД, поступила записка об опыте истребления волков с помощью стрихнина. Автором ее был шуйский аптекарь Валевский. Опыт заинтересовал столичных чиновников и МВД поручило владимирскому губернатору собрать более подробные сведения об этом, чем начальник губернии и занялся, послав запрос в Шуйский уезд.

Вскоре, как докладывал губернатор в Петербург, ему пришло уведомление от шуйского помещика, мирового судьи Дмитрия Константиновича Бальмонта (отца поэта К.Д. Бальмонта) о том, что в его имении аптекарь Валевский постоянно уничтожает волков с помощью стрихнина, приготавливая из него специальные пилюли.

Судя по всему, один из первых таких опытов был произведен в усадьбе Бальмонта в 1870 г., когда Валевский отравил сразу 6 волков. После этого Бальмонт сам пожелал посмотреть на действие яда. В его присутствии Валевский «начинил» пилюлями палую собаку (в документе употреблен был именно такой термин – «начинять»). Труп собаки был положен в поле, а Бальмонт с Валевским сели в засаду наблюдать. Вскоре явились два волка, немного погрызли собаку и, отойдя шагов сорок прочь, упали замертво.

В другой раз предприимчивый аптекарь «начинил» таким же образом зайца. К трапезе явились старый волк и молодая волчица. Совместно они съели «передок зайца» (так в документе). Старый волк не успел отойти и нескольких шагов, как пал мертвым, а волчица, в предчувствии смерти, сумела сделать длинный прыжок и тоже пала.

В целом Валевский за пятнадцатилетний период (1861-1875 гг.) своей самоотверженной борьбы с серыми разбойниками в окрестностях Шуи сумел уничтожить пилюлями 184 волка и 142 лисицы. Мало найдется профессиональных охотников, которые могли бы похвастаться таким трофейным списком⁶.

По свидетельству современников, волков в середине 70-х гг. в Шуйском уезде стало заметно меньше. Во всяком случае, они не забегали в баню и не устраивали в городской черте своих шумных свадеб.

Эффективность пилюль Валевского, как видно, произвела большое впечатление на власти. Была издана брошюра, в которой давался рецепт, как изготовить пилюли. Здесь же рассказывалось, как их разложить в падали, служившей приманкой.

Как видно, отчаянная борьба, развернувшаяся с серыми разбойниками в Шуйском уезде, принесла результаты. Их стало значительно меньше. Об этом свидетельствуют мемуары И. Волкова. Автора в детстве, приходившемся на 90-е гг. XIX в., мать водила за грибами и ягодами в леса, окружавшие Иваново-Вознесенск. Она рассказывала ему, что в ее детстве (т.е. в 70-е гг. того же столетия) девочки во время прогулок по лесу нередко встречались с волком и даже медведем. Такой экзотики через двадцать лет мемуарист не застал⁷.

Охотничий закон 1892 г., введший ограничение на охоту на многих животных, никаких запретов на волков не распространял, их можно было отстреливать круглогодично. Охоту на волков поощряли в начале XX в. с помощью материальных вознаграждений не только земства, но и охотничьи организации. В Иваново-Вознесенском обществе охоты, в частности, разрабатывалась система премиальных за добычу волков⁸.

Кстати, охотничьи общества регулярно устраивали облавы на серых разбойников. Заранее так называемые окладчики выслеживали место, где прятались звери, и окружали его веревкой с флажками. Правда, волки нередко перемархивали через эту чисто условную преграду. Тогда охотники стали мазать веревку различными едко пахнущими веществами. Оказалось, что наибольшее отвращение у зверей вызывала смесь керосина и нафталина⁹.

О том, что хищного зверья в начале XX в. стало в крае значительно меньше, свидетельствует следующая статистика. В угодьях Иваново-Вознесенского общества охоты за 1910-11 г. было убито всего 2 волка, лис - 22, а зайцев – 224¹⁰. Угодья общества занимали пространство по крайней мере трех-четырёх современных районов Ивановской области, и отстрел всего двух волков на этой обширной площади говорил сам за себя.

Правда иногда численность и активность серых разбойников даже в начале XX в. вдруг на короткий период резко возрастала. В отчете Иваново-Вознесенского общества охоты за 1908 г. удалось найти интересный факт. Оказалось, что за три года до этого волки в окрестностях Иваново-Вознесенска серьезно изувечили 11 человек¹¹. Если произвести несложный подсчет, то оказывается, что эти события произошли в 1905 году.

¹ Лазаревский В.М. Об истреблении волком домашнего скота и дичи и об истреблении волка. Владимир, 1876. С. 3-4.

² Там же. С. 73.

³ Там же. С. 73.

⁴ Там же. С. 55-56.

⁵ Там же. С. 57.

⁶ Там же. С. 69, 72, 73.

⁷ Волков И. В старом Иваново. Иваново, 1945. С. 29.

⁸ Отчеты Иваново-Вознесенского общества охоты, Автономного Елнинского района ИВОО, Кружковского отдела ИВОО за 1910-11 операционный год. Иваново-Вознесенск, 1911. С. 15.

⁹ Там же. С. 39.

¹⁰ Там же. С. 26.

¹¹ Юбилейный очерк Иваново-Вознесенского общества охоты: 1898-1908 гг. Иваново-Вознесенск, 1909. С. 23.

31.07.02.

Е.В. СТАВРОВСКАЯ
(г. Шуя)

Я.И. БОРИСОГЛЕБСКИЙ: ИЗДАТЕЛЬ, ПОЭТ, КРАЕВЕД

История любого населенного пункта хранит имена известных личностей. Наверное, каждый человек без труда сможет назвать хотя бы несколько знаменитых земляков: купцов, фабрикантов, общественных деятелей. К сожалению, многие из этих достойных людей незаслуженно забыты. К числу таких личностей относится Яков Иванович Борисоглебский. Люди, знакомые с историей города Шуи, вспомнят этого человека прежде всего в связи с типографией, которой он владел, немногие назовут его как секретаря Шуйской городской думы и лишь единицы знают, что он писал стихи, занимался историей края.

Что же удалось узнать об этом человеке?

Яков Иванович Борисоглебский (1827-1913) происходит из священнической семьи. С большой долей вероятности можно сказать, что его отец - Иван Степанович Борисоглебский, священник села Нижний Ландех Гороховецкого уезда, а затем протоиерей Гороховецкого собора. Я.И. Борисоглебский обучался во Владимирской духовной семинарии, но не окончил ее, а по прошению был уволен из среднего отделения. Из его формулярного списка известно, что службу он начинал во Владимирском губернском правлении (1850). Прослужив там чуть больше года, был перемещен в письмоводители к приставу 1-го стана Дмитровского уезда Московской губернии, часто во время болезни пристава заменял его. Через два года вернулся во Владимир, служил в канцелярии начальника Владимирской губернии, был письмоводителем губернского попечительного комитета о тюрьмах, правителем губернского оспенного комитета; получил чин коллежского регистратора (1855).¹

В эти же годы активно сотрудничал с «Владимирскими губернскими ведомостями», публиковал в них свои краеведческо-этнографические статьи. Темы его изысканий разнообразны: свадебные обряды отдельных местностей Владимирской губернии, особенности лексики крестьян Гороховецкого уезда, развитие хозяйства и промышленности в Вязниковском уезде и др. Дважды (1856, 1857) Советом Императорского Русского Географического Общества за доставленные в Общество этнографические сведения о Владимирской губернии Я.И. Борисоглебскому была «изъявлена искренняя признательность».

В 1858 г. по предложению губернатора Я.И. Борисоглебский был определен секретарем в Шуйскую городскую думу. К этому времени он был женат на дочери коллежского асессора Клавдии Александровне, имел годовалого сына (в марте 1857 г. у Борисоглебских родился первенец - сын Николай (впоследствии начальник железнодорожной станции «Самара»); остальные дети появились на свет уже в Шуе). С тех пор до конца своих дней Я.И. Борисоглебский жил в нашем городе. Из 55 лет государственной службы в

разных административных, общественных и благотворительных учреждениях 47 лет было отдано работе в Шуе.

Оказавшись на новом месте, Яков Иванович продолжил свою активную общественную деятельность. К должности думского секретаря почти одновременно добавляются обязанности производителя дел по совету Шуйской городской больницы, с 1871 по 1902 гг. он был городским секретарем.

Аккуратность и ответственность молодого чиновника не остались незамеченными. За свои труды Я.И. Борисоглебский был награжден орденами св. Анны 3-й степени (1888), св. Владимира 4-й степени (1894). За работу в попечительстве детских приютов в 1895 г. получил именную знак с вензелевым изображением Августейшего имени Государыни Императрицы с Императорской короной для ношения на правой стороне груди.² Борисоглебский дослужился до высокого чина статского советника и даже к концу жизни получил потомственное дворянство.

Кроме государственной службы занимался краеведением. Во «Владимирских губернских ведомостях» за 1859 г. им были опубликованы четыре старинных акта XVII в., относящихся к истории Шуйского уезда, составлено описание фабрики А.Я. Балина в селе Дунилове. В 1885 г. во Владимире был издан его «Памятник для г. Шуи Владимирской губернии», в который вошли справочные данные обо всех должностных лицах Шуи, а также сведения о гостиницах, магазинах, фабриках, заводах и др.

В 1875 г. Я.И. Борисоглебским открыта первая в Шуе типография, которая на протяжении почти 30 лет была единственной в городе. До сих пор на территории древнего кремля в начале Союзной улицы сохранилось здание, где она размещалась (сейчас это жилой дом). Впоследствии печатное оборудование Борисоглебского перешло в типографию И.С. Лимонова (ныне типография имени М.В. Фрунзе)³. Среди печатной продукции типографии Борисоглебского наибольший интерес представляет книга священника Евлампия Правдина «Описание города Шуи и шуйских церквей с приложением сказания о чудесах от чудотворной иконы Шуйско-Смоленской Божией Матери» 1884 года издания, которую можно считать энциклопедией церковной жизни Шуи XIX в. Но Яков Иванович был не только издателем, но и автором книг.

Так, в 1907 г. в шуйской типографии А.К. Гофмана вышел в свет сборник стихотворений, написанных Борисоглебским. К тому времени он был 78-летним стариком, потерявшим зрение настолько, что уже не мог читать, писать, продолжать службу, людей узнавал только по голосу. Обстоятельства создания книги сам автор обозначил в обращении к читателям: «По милости Божией я не лишен был <...> умственных способностей; что меня, как православного христианина, невольно заставило обратиться к Богомыслию, - и я попробовал некоторые из усвоенных с детства моею памятью церковных песнопений переложить в стихотворную форму, с заменой, по местам, славянских изречений русским языком.

Этот слабый мой труд и имею честь поднести глубоко чтимым мною ревнителям Православия, прося покорнейше не строго судить первый, а может быть и последний мой труд как слепца, не могущего проверять то ли и так ли изложено на бумаге, что диктовано мною».⁴

Сборник в основном содержит тропари, кондаки, стихиры церковных праздников. Вот, например, как стихира Пасхи «*Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесах, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славити*» звучит в переложении Я.И. Борисоглебского:

*Христе Боже, Воскресение Твое
В небе ангелы торжественно поют,
Чем присущую честь Богу воздают;
И нас, Спасе, славословие свое
Ты сподоби чистым сердцем возглашать,
Чтоб и нам здесь на земле торжествовать.*

Как видим, автору довольно точно удалось передать каноническое содержание песнопения в стихотворной форме. В то же время, это не механический «перевод» с одного языка на другой. Все стихотворения отражают душевное состояние автора. Физические немощи и слепота делают человека обладателем другого зрения, внутреннего, которое направлено вглубь души. Осознание неизбежности скорой смерти еще крепче утвердило в Я.И. Борисоглебском веру в Бога, он глубоко раскаивается в грехах прожитой жизни и преклоняется пред величием Всемогущего:

*Помилуй, Господи, помилуй нас.
Не можем дать мы доброго ответа
За грешно прожитые нами лета,
Но хоть число грехов наших велико,
Ты снисходительно прими, Владыко,
Сию молитву и помилуй нас.*

Сборник «Духовные стихотворения» стал для Я.И. Борисоглебского, пожалуй, последним делом его земной жизни, своеобразным итогом перед уходом в Вечность.

Умер Яков Иванович Борисоглебский 30 апреля 1913 г., похоронен в Шуе на Троицком кладбище⁵. Могила его до наших дней не сохранилась, но в фондах Шуйского историко-художественного и мемориального музея хранятся экспонаты, связанные с именем Я.И. Борисоглебского: книги, изданные в его типографии, семейные фотографии, сборник «Духовные стихотворения»...

¹ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 369. Оп. 1. Д. 1395.

² Там же.

³ Иваново-Вознесенский губернский ежегодник: Календарь-справочник. – Иваново-Вознесенск, 1920. – С. 149.

⁴ Шуйский историко-художественный и мемориальный музей. Архив Н.А. Звездина. Ед. хр. 2669/314.

⁵ ГАИО. Ф. 858. Оп. 1. Д. 20. Л. 544 об.-545.

ШУЙСКИЕ ЧЕРНОСОТЕНЦЫ В «КОВРОВСКИХ ВЕСТЯХ»

«Ковровские вести» - первая городская газета, возникшая на волне событий первой русской революции. Это был первый орган ковровской организации кадетов. Редактором стал член организации присяжный поверенный А.Г. Легунов, а редакция расположилась в доме лидера ковровской группы кадетов, известного общественного деятеля Н.П. Муратова, который был удален с постов предводителя ковровского дворянства и председателя земской управы за содействие рабочим выступлениям в городе. По сведениям полиции, финансировал выпуск газеты также член кадетской группы, богатый ковровский предприниматель крестьянского звания Ф.И. Носков.¹

Первый номер увидел свет 17 декабря 1906 года, а всего было напечатано 12 номеров, последний – 1 марта 1907 года. В газете было около 16 тематических рубрик, в том числе рубрика «Хроника Владимирской губернии», где и встречаются публикации о происшествиях в Шуе и Шуйском уезде. Интересующие нас материалы мы находим в №№ 1, 2, 4, 5 и 7.

В первом номере сообщается о нападении группы неизвестных на квартиру лесничего в имении графа Шереметева близ с. Кохмы. Брошенной бомбой была ранена жена лесничего. В январе 1907 года вновь было совершено нападение на имение графа Шереметева в Шуйском уезде, сожгли восемь лесных сторожек. «Остальными же сторожами получено предупреждение, что их сторожки будут сожжены, а потому им предлагается заблаговременно очистить их». Информация об этом встречается в пятом номере газеты от 14 января 1907 г.

Остальные публикации касаются деятельности шуйских черносотенцев. 24 декабря в заметке под названием «Кошунственная затея» описывается заседание Шуйской городской думы 13 декабря, «главный интерес которого, - как пишет корреспондент, - заключался в следующем: заправили черной сотни по случаю годовщины основания «союза» предполагали устроить празднество освящения знамени, нарочно приготовленного для этой цели. Лидер их, Петров, сочинил целый церемониал с колокольным звоном, крестным ходом, водосвятием и коленопреклонением при участии всего городского духовенства; знамя предполагалось торжественно перенести в собор и там поставить его на хранение, а так как в требнике нет подходящего для этого случая чина богослужения, то он, Петров, известный своими домами терпимости, сам его составил! Чтобы осуществить эту кошунственную затею, Петров обратился непосредственно к местному архиерею, которого ввел в заблуждение уверением, что «народ» этого требует. Архиерей разрешил духовенству исполнить желание «народа»; духовенство оказалось в затруднительном положении: ему было хорошо известно, что никакого «народа» тут нет, а есть лишь два десятка дворников и извозчиков с Петровым во главе, да на заднем плане один

фабрикант, которому нужны услуги «союза» на предстоящих выборах в Государственную Думу». Духовенство предложило городской думе разобраться это дело и вынести соответствующее решение. Положение для думских гласных оказалось достаточно щекотливое, так как обсуждать этот вопрос в заседании думы было нельзя, поскольку, выражаясь современным языком, он не был заблаговременно внесен в повестку дня, а назначать экстренное заседание поздно – празднество должно состояться уже 17 декабря. Ввиду этого решено было провести частное совещание перед заседанием, в котором приняли участие 27 человек из 32 гласных. Вероятно, побоявшись последующих акций черносотенцев, шуйские гласные приняли компромиссное решение: просить архиерея отменить свое распоряжение относительно знамени, но тем не менее разрешили поставить знамя в старой церкви, в которой не совершается богослужений, и отслужить молебен, «но не по чину, составленному хозяином публичных домов».

И в этой корреспонденции и в следующей, опубликованной в № 7 от 28 января под заголовком «Письмо из Шуи», прочитывается античерносотенная направленность газеты. Представители «союзников» подвергаются не просто критике, а откровенному осмеянию. Например, корреспондент дает следующую характеристику новому лидеру шуйских черносотенцев: «На черносотенно-патриотически-монархическом горизонте показалось теперь новое светило железоторговец г. Коковин; сей муж пока был известен лишь тем, что решительно ничем не был известен; торговал себе в своей лавочке, читал «Вече», наживал деньгу, выпивал на ночь по графину водки и благодарил создателя, - что Он не создал его козой, и не бьют его лозой. Открыто выступил на политическое поприще г. Коковин (в статье встречается разное написание фамилии – *О.М.*) 13 декабря, определенно заявив о своих взглядах, если только можно так назвать их, в совещании гласных городской думы, когда шел вопрос о постановке «погромного» знамени в собор. Теперь он уже считается самым видным кандидатом в выборщики. Г. Коковин председательствует на беспартийных собраниях, и даже пробует ораторствовать, но так как природа забыла наделить его ораторским талантом, то он, естественно, переносит усвоенный им в лавке обычай ругаться и в залу собраний...»

Здесь же дается раскладка политических сил в Шуе во время предвыборной кампании во II Государственную Думу. По мнению корреспондента «Ковровских вестей», четкого деления на партии в городе в тот период не было. Участники предвыборных «баталий» разделились на два лагеря: левые и правые, к последним относились партия «торгово-промышленников», «Союз 17 октября» и члены «Союза русского народа». Все радикальные партии вплоть до кадетов составляли левый лагерь.

Прогнозируя результаты выборов в Шуйском уезде, обозреватель «Ковровских вестей» отдает предпочтение кадетам, что естественно, если учесть политическую ориентацию газеты, тем более что лидеры правых сил,

черносотенцы, «осрамились с историей освящения своего пресловутого знамени». Помимо этого их действия, методы борьбы вызывают раздражение и неприятие избирателей.

Вот одна из таких историй, описанная в № 4 от 7 января: «В Шуе, на фабрике Посылина недавно уволен по требованию товарищей рабочий Копьев, один из видных членов союза «русских людей», выступал оратором на их собраниях. Копьев ударил линейкой одного из рабочих и заявил, что управляющий разрешил ему расправиться своим судом; немедленно к управляющему была снаряжена депутация для объяснений; туда же потребовали и Копьева, который в присутствии управляющего сознался, что солгал; управляющий предложил ему извиниться перед товарищами, но те настояли на увольнении, грозя вывезти его с фабрики в ящике на санках».

Таково было положение «союзников» в Шуе в начале 1907 года глазами корреспондентов «Ковровских вестей». Но несмотря на откровенно обличительный характер материалов, им уделяется достаточно много места на страницах газеты, публикации о деятельности шуйского отделения «Союза русского народа» весьма обширны и подробны, что скорее всего можно объяснить его достаточно высокой активностью.

¹ ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 2761.

А.С. ГРАММАТИН
(г. Павлово)

О ПОСЛЕДНЕМ СМОТРИТЕЛЕ ШУЙСКОГО ДУХОВНОГО УЧИЛИЩА М.В. ГРАММАТИНЕ

24 сентября 1916 г. Шуйскому духовному училищу исполнилось 100 лет.

«Суровые условия существования не помешали ему с честью выполнять свою благородную просветительную деятельность. За столетие училище выпустило из своих стен не одну тысячу питомцев, получивших здесь первоначальное воспитание и, впоследствии, служивших и служащих Св. Церкви и Отечеству на разных поприщах общественной деятельности».

Так писал во «Владимирских епархиальных ведомостях» (№№ 46-47 1916 г.) смотритель (директор) училища М.В. Грамматин. Он оказался последним смотрителем, т.к. через два года – в 1918 г. училище по декрету Советской власти было закрыто. На долю Михаила Васильевича выпало руководство училищем в самые трудные годы – войны, разрухи, революции, и он прилагал максимум усилий, чтобы, не прекращая учебного процесса, обеспечить элементарные условия жизни своих учеников. Любым способом, в т.ч. и через печатные органы он обращался к родителям, попечителям, бывшим питомцам училища для организации питания, помощи в одежде, учреждения стипендиального фонда и т.п. (см. напр. «Владимирские епархиальные ведомости» № 9-10 1917 г.)

С самого начала своей службы в училище, еще в должности помощника смотрителя, он был делопроизводителем правления «Общества вспомоществования нуждающимся ученикам» и, став смотрителем, особое внимание уделял положению учеников из малообеспеченных семей.

Он сам прошел через трудное отрочество, испытал на себе все тяготы бурсацкой жизни и, не имея своих детей, всю любовь и заботу перенес на своих питомцев.

Михаил Васильевич Грамматин родился в семье священника в с. Казнево Меленковского уезда Владимирской губернии в 1861 году. Его предки в течение ряда поколений служили Церкви в этом и окрестных селах, имея прозвание Казневские – официальных фамилий в сельской местности тогда не было.

При поступлении в духовные учебные заведения юношам по усмотрению училищного начальства давалась фамилия – часто по названию церковных праздников, в результате каких-либо ассоциаций, иногда – в честь известного в то время духовного деятеля. Фамилию Грамматин первым из рода Казневских получил дядя Михаила Васильевича в Муромском духовном училище в 1830 г. Она передалась и его братьям, поступившим туда же, закрепилась и за их потомством.

Весьма вероятно, что фамилия эта дана была в честь поэта-переводчика и исследователя «Слова о полку Игореве» Грамматина Николая Федоровича, произведения которого, включая и поэтические пересказы псалмов Давида,

пользовались тогда большим вниманием как в литературной, так и в духовной среде.

Михаил был старшим из десяти детей в семье. Он так же, как и его отец, окончил Муромское духовное училище и поступил во Владимирскую семинарию, которую в 1882 г. окончил одним из первых со званием студента, получив направление в Московскую духовную академию.

В 1886 г. Михаил Васильевич окончил академию со степенью кандидата богословия и получил назначение на службу в родное Муромское духовное училище. Это было уже не ветхое, тесное деревянное помещение, где он когда-то начинал свою учебу. За два года до его приезда было построено новое здание училища – трехэтажное, каменное, оборудованное всем необходимым. 16 лет проработал Михаил Васильевич в Муроме, будучи учителем «русского языка с церковнославянским» и членом правления училища.

Кроме преподавания он вел большую общественно-просветительскую работу – привел в порядок архивы Муромского Духовного правления (за что получил благословение Св. Синода), был лектором Народных чтений, Палестинских чтений в церкви, проводил чтения для арестантов Муромской тюрьмы по воскресным и праздничным дням и т.д.

Обладея великолепным литературным слогом, Михаил Васильевич стал регулярно печататься в губернских изданиях. Так, в шести номерах «Владимирских епархиальных ведомостей» (№№ 18-23 1892 г.) был опубликован его очерк «Муромское духовное училище за 75 лет существования». В 1899 г. он был произведен в статские советники.

Указом Св. Синода Михаил Васильевич в 1903 г. был перемещен на должность помощника смотрителя Шуйского духовного училища, а в 1908 г. назначен смотрителем этого училища.

При нем Шуйское училище считалось одним из лучших в губернии. В 1912 г. съездом уполномоченных ему была выражена благодарность «За особые труды по благоустройству училища». Несмотря на большую нагрузку по административной и преподавательской работе в училище, Михаил Васильевич активно участвовал в общественно-культурной жизни Шуи – в течение ряда лет заведовал земской публичной библиотекой, был членом комиссии по проверке предметов старины в г. Шуя и т.д. За «отлично усердную службу и особые заслуги» он был награжден орденами Св. Станислава и Св. Анны II степени.

Продолжая печататься во «Владимирских епархиальных ведомостях» под псевдонимом «М.Г.», он опубликовал там ряд статей на разные темы; так в № 49 за 1911 г. по случаю 200-летия со дня рождения М.В. Ломоносова была напечатана его блестящая статья «Ломоносов как естествоиспытатель». В ней он очень четко изложил основные научные достижения ученого в разных сферах, а также его взгляд на отношения науки и религии, приведя такие слова Ломоносова:

«Создатель дал человеческому роду две книги. В одной показал свое величество, в другой – свою волю. Первая – видимый сей мир, Им созданный,

чтобы человек, смотря на огромность, красоту и стройность Его зданий, признал божественное всемогущество, по мере себе дарованного понятия. Вторая книга – Священное Писание. В ней показано Создательное благоволение к нашему спасению. Ученые изъясняют первую книгу Создателя, Апостолы и церковные учителя – вторую. И, как нельзя циркулем вымерить Божью волю, так и по Псалтыри научиться астрономии или химии. Знание натуры христианскому закону не противно».

Такая позиция Ломоносова была близка и Михаилу Васильевичу. Он сам был склонен к научной исследовательской деятельности и в то же время был человеком глубокой Веры.

После закрытия духовного училища в период, когда началось преследование духовенства и многие священнослужители стали отходить от службы, Михаил Васильевич решает принять духовный сан. Он становится священником Александро-Невской церкви в Шуе (эта церковь при училище некоторое время действовала и после его закрытия), а затем – настоятелем церкви Михаила Архангела в селе того же названия Шуйского уезда (позднее село было переименовано в Красноармейское). Там во время службы у него случился инсульт, и он скончался в соседнем селе Сергеево 10 июля 1925 г. Похоронен М.В. Грамматин в Шуе на Троицком кладбище. Жена его Мария Федоровна (ур. Загорская) недолго пережила мужа. Скончалась она в 1928 г.

Т.А. ДОБЫЧИНА
310702 (г. Шуя)

«ШУЙСКОЕ» ПИСЬМО ПРЕПОДОБНОГО ИОСИФА, ОПТИНСКОГО СТАРЦА

Монастырь Оптиная Пустынь в конце XIX - начале XX века был одним из мощных духовных центров России. Сюда, влекомые жаждой духовного окормления оптинских старцев, стекались паломники, в числе которых были и ученые мужи, и безвестные миряне. Оптинские старцы любвеобильно заботились о тех, кто вверил свои души их попечению. Они общались со своими духовными детьми не только в доверительных беседах, но и в переписке. Множество писем с назиданиями старцев было отправлено из монастыря во все уголки России. Одно из таких писем пришло в Шую в 1911 году.

Маленький пожелтевший листок со штампом монастыря и текстом Иисусовой молитвы – «бланк исходящей корреспонденции» обители. За кажущейся простотой изложения чувствуется глубокая духовная сила.

«Многоуважаемая о Господе Евдокия Ивановна!

Милости Божией желаю тебе, и душевного спасения.

За поздравление с праздником Рождества Христова спаси Господи. Господь да хранит тебя в добром здравии на наступивший год.

Спрашиваешь, - как поступить с брошкой. Господу не брошка надо, и не деньги а усердие, с каким то, или другое, приносится. Если ты повесишь брошку на св. Икону, а ее завтра снимут, то ты от этого ни сколько не потеряешь, ибо Господь и Царица Небесная примут усердие твое. Поэтому и выбирай, как тебе удобнее. Можно и продать, а деньги отдать, и это хорошо. Господь да поможет тебе исполнить это намерение.

Призывая на тебя мир

и Божие благословение

осталось с желанием спасения.

иером. Иосиф

24 января 1911 г.»¹

В конце письма стоит карандашный автограф² иеросхимонаха Иосифа (Литовкина) ныне почитаемого со святыми.³ Сам текст письма, как и большинство писем старца, написан его письмоводителем из скита Оптиной Пустыни. Духовное многочадие и физическая немощь не давали о. Иосифу возможности лично писать ответы на приходящие письма.

В письмах, как и в устных беседах, старец Иосиф всегда излагал свои мысли сжато, коротко и отрывисто,⁴ что видим мы и в шуйском письме. Эта особенность его речи явилась результатом духовной мудрости, которую он стяжал всю жизнь.

Старец Иосиф, в миру Иван Литовкин, родился 2 ноября 1837 года в Харьковской губернии. Его родители были простыми, но благочестивыми людьми. В одиннадцать лет Иван остался круглым сиротой. Он много скитался

по людям, работая у купцов, живя по временам у дальних родственников. Испытание сиротством воспитало в нем добродетели терпения, послушания, кротости и смирения. Имея в сердце своем горячую веру, Иван решил отправиться паломником в Киев, но Промысел Божий привел его в 1861 году в Оптину, где он остался на всю жизнь.

После недолгого послушания на кухне он был назначен келейником к отцу Амвросию⁵ и поселился в его убогой «хибарке». Здесь отец Иосиф прожил ровно пятьдесят лет! Тридцать, будучи келейником старца Амвросия, проходя при нем школу истинного монашества, и двадцать после его кончины, сам сделавшись старцем. В монашество (с именем Иосиф) был пострижен в июне 1872 г. Через пять лет посвящен в иеродиакона, а в 1884 г. рукоположен в иеромонаха.

Отец Иосиф был ближайшим учеником старца Амвросия, ближайшим по силе послушания, преданности и любви. В последние годы своей жизни преподобный Амвросий стал постепенно подготавливать о. Иосифа к старческому служению, видя в нем своего преемника. После смерти преподобного вся его огромная паства перешла под духовное окормление старца Иосифа, вскоре он сделался и скитоначальником монастыря Оптиной Пустынь.

Воспоминания современников об отце Иосифе рисуют образ смиреннейшего инока. Его лицо было всегда улыбающимся, просветленным и добрым. Бывали случаи, когда во время молитвы над головой о. Иосифа видели необыкновенный свет. Свидетельством духовной мощи старца могут быть его дела – случаи прозрения будущего (прозорливость), исцеления болящих, благотворные и спасительные беседы.

Кто же из шуйц сподобился благодати общения с этим старцем? Имя, названное в обращении, дает возможность предполагать, что это была Евдокия Ивановна Попова – вдова потомственного почетного гражданина Шуи, председателя комиссии по устройству шуйского водопровода, директора Шуйско-Ивановской железной дороги Ивана Ивановича Попова (1836-1910).

Свидетельством того, что Поповы бывали в Оптиной Пустыни может служить статья И.И. Попова «Заметки случайного посетителя», опубликованная в 1902 году в «Московских ведомостях».⁶ Она написана со свойственной купеческому характеру практичностью. Попов, конечно же, отмечает и живописность местоположения монастыря, и благотворное влияние природы тех мест, но большая часть его статьи содержит руководство к поездке: с точностью до минут и копеек он указывает расписание движения поездов и стоимость проезда (включая извозчиков). Название статьи четко определяет ее суть. Именно случайный посетитель мог обратить внимание на внешнюю сторону жизни монастыря, указывая с протокольной точностью количество храмов, гостиниц, численность братии в монастыре, в скиту и другие подробности.

Возможно, это «случайное посещение» и положило начало духовного общения Поповых со старцем Оптиной Пустыни. Тон письма преподобного склоняет к мысли, что общение в переписке длилось уже некоторое время. Мы не можем с уверенностью утверждать, что Е.И. Попова была духовным чадом

отца Иосифа, но, так или иначе, она обращалась к нему за советом. Из ответа старца Иосифа мы узнаем, что Евдокия Ивановна имела намерение сделать пожертвование (это несколько не удивляет, т.к. Поповы – известные щедрые жертвователи в шуйские храмы). Жертвенным предметом была брошь: «спрашиваешь, – как поступить с брошкой». Причем главным вопросом Поповой к старцу был вопрос о способе принесения жертвы: «повесить брошку на Св. Икону», или «...продать а деньги отдать». Очевидно, пожертвование предназначалось Богородичной иконе: «Господь и Царица Небесная примут усердие твое». В данной связи вспоминается бытующий во многих церквях и монастырях обычай подносить чудотворным иконам Божией Матери в дар за полученное по молитвам благодеяние какие-либо драгоценности. Этот обычай имеет языческие корни и поэтому не является, несмотря на свое широкое распространение, каноническим. В связи с этим интересен ответ старца. Оставляя право выбора решения за Поповой: «выбирай как тебе удобнее», – старец Иосиф все же более одобряет тот вариант, когда брошку «...можно и продать, а деньги отдать, и это хорошо», – пишет он. Последними словами он особо подчеркивает предпочтительность такого поступка, ведь известно, что свои советы отец Иосиф всегда выражал в желательном наклонении.⁷ Но, памятуя о сказанном святителем Димитрием Ростовским «Не солгу на святого», не будем объяснять слова старца и рассуждать над его советом.

Письмо преподобного оптинского старца Иосифа рождает много вопросов, которым вряд ли найдутся ответы. Загадкой останется и то, в какой храм, какой иконе и за какое благодеяние собиралась Попова принести жертву. Мы можем лишь предположить, что недавно овдовевшая женщина жертвовала «на помин души» своего супруга. Но определенно ясно одно – письмо иеромонаха Иосифа, свидетельствующее о духовной связи между известным в Шуе купеческим родом Поповых и старцами Оптиной Пустыни, также служит яркой иллюстрацией религиозной жизни провинциального уездного города Шуи конца XIX – начала XX века.

¹ Шуйский краеведческий музей 2577/4. Сохранены орфография и пунктуация оригинала. Публикуется впервые.

² Подлинность автографа подтверждает Каширина В.В. – сотрудник издательского отдела монастыря Оптиной Пустыни.

³ Иеросхимонах Иосиф (Литовкин; 1837-1911) причислен к лику местночтимых святых в 1996 г. Юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 2000 г. причислен к лику святых Русской Православной Церкви, почитается в лике преподобного. Память празднуется 9(22) мая (день преставления) и 11(24) октября (Собор оптинских старцев).

⁴ Свяц. Василий Тигров. Святой уголок // Благословенная Оптина. Воспоминания паломников об обители и ее старцах. Сост. Помельцева Е.В. – М.: Отчий дом, 1998. – С. 77.

⁵ Иеросхимонах Амвросий (Гренков; 1812-1891). В 1989 г. причислен к лику святых Русской Православной Церкви, почитается в лике преподобного. Память празднуется 27 июня (10 июля), 10(23) октября.

⁶ Попов И.И. Заметки случайного посетителя. Оптина Пустынь, Калужской губ. 7 июня // Московские ведомости, 1902. № 167.

⁷ Свяц. Василий Тигров. Указ. соч.

В.В. ВОЗИЛОВ
(г. Шуя)

РУКОПИСНЫЙ ЖУРНАЛ ШУЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ*

Истоки революционного движения в Шуе можно проследить с середины XIX века, когда в Ивановском крае формируются первые кружки радикально настроенной разночинской интеллигенции. Наиболее известный кружок был создан в селе Иваново под руководством писателя-разночинца Ф.Д. Нефедова. Членом этого кружка был С.Г. Нечаев, чья жизнь связана с Шуей. В 60-е – начале 70-х гг. в Шуе действовали несколько интеллигентских кружков, которые напрямую или косвенно были связаны с революционным движением столицы и С.Г. Нечаевым¹. «Хождение в народ» обошло наш край, чему способствовали ряд причин: дворянский характер местной интеллигенции, отсутствие заметной общественной жизни и высших учебных заведений. Поэтому создание в 80-х гг. группой учащихся Шуйской мужской гимназии антиправительственного пронароднического кружка, в который входил молодой К.Д. Бальмонт, было воспринято местным начальством как вопиющий факт, а к членам кружка были приняты серьезные меры воздействия.

Первые радикальные организации, прежде всего социал-демократического типа, появляются в Шуе в конце XIX – начале XX вв. Их деятельность была связана с именами известных местных революционеров А.И. Степанова и Ф.А. Афанасьева («Отца»). К началу XX в. в Шуе можно уже видеть представителей практически всех радикальных партий того времени: эсеров, меньшевиков, большевиков и анархистов. В тот период на низовом уровне эти организации действовали, как правило, совместно, революционное подполье было невелико. Хотя документы и воспоминания свидетельствуют об ожесточенных дискуссиях, которые происходили между сторонниками тех или иных течений.

Активизация общественно-политической жизни Ивановского края приходится на период первой русской революции. Меньшевики и большевики, эсеры и анархисты активно участвуют в событиях Ивановской стачки, экспроприациях, профсоюзном движении, создают боевые рабочие дружины. Отстаивание собственных убеждений словом и делом позволила им стать заметной частью политической жизни. Хотя значение радикалов в революционных событиях 1905-1907 годов серьезно преувеличивалось в историографии (например, роль Ф.А. Афанасьева и М.В. Фрунзе в событиях Ивановской стачки), тем не менее, полиция и общественное мнение серьезно ими интересовались.

Помимо леворадикальной интеллигенции в революционных событиях первой русской революции активное участие принимали сторонники легальных

* Название дано Редакцией, авторское название статьи «Интеллигенция и революция в провинции»

политических партий, созданных после опубликования Манифеста 17 октября 1905 г. Наибольшим влиянием пользовались представители конституционно-демократической партии и их противники – монархисты. Численность и тех и других в Шуе была невелика. Например, шуйская уездная кадетская группа насчитывала 87 человек, из них 46 человек принадлежали к интеллигенции и служащим². После спада революции в 1906-1907 гг. активизация общественной жизни происходила лишь в периоды парламентских выборов, на которых по разным куриям побеждали в основном кадеты (на выборах в первую Государственную Думу от Шуйского уезда прошло 3 кадета) и социал-демократы (например, Н.А. Жиделев победил на выборах по рабочей курии во вторую Государственную Думу)³. Период с 1907 по 1912 годы характеризуется затишьем как общественно-политической жизни в целом, так и революционного движения в частности. Революционное подполье было почти полностью разгромлено к концу 1907 г., основная часть радикалов оказалась за решеткой. Сохранившиеся воспоминания свидетельствуют, что восстановление нелегальных организаций началось лишь в годы Первой Мировой войны.

Февральская революция 1917 г. вновь активизировала общественную жизнь в провинции. В феврале-марте в Шуе был создан Исполнительный комитет общественной безопасности, состоявший в основном из интеллигенции и взявший на себя решение насущных политических вопросов. Основное влияние в нем имели сторонники партии народной свободы (кадетов). Одним из первых шагов этого органа стало преследование правомонархической организации М.К. Петрова. В то же время в городском Совете большинство получили социал-демократы и его возглавил М.А. Белов⁴. Весной 1917 г. начинается активное партийное строительство. Попытки собрать вместе людей, симпатизирующих различным политическим группам, предпринимались неоднократно эсерами и анархистами. Однако в 1917 г. социал-демократы, эсеры и анархисты действовали совместно, раскол произошел лишь в 1918 г.

Летом 1917 г. в Шуе оказалось два основных политических игрока: во-первых, внепартийная демократическая группа, сочувствовавшая кадетам, и большевики, которых с конца августа возглавил вернувшийся М.В. Фрунзе. Главным оппонентом Фрунзе стал лидер местных либералов – Иван Васильевич Кохомский⁵. С апреля 1917 г. он возглавлял первый печатный городской орган – газету «Шуйские известия». В этом качестве он выпустил первые два десятка номеров газеты. Затем на посту редактора его сменил И.Е. Чернышев, известный в городе учитель гимназии и общественный деятель. Причиной ухода Кохомского с поста главного редактора стала его большая загруженность общественными делами. Однако он не прекратил сотрудничать с газетой. В течение 1917 г. его имя очень часто появлялось в разделах, посвященных политической жизни города. А несколько десятков публикаций на актуальные и злободневные темы характеризуют его как талантливого и глубокомыслящего публициста.

Наибольшую известность Кохомский приобрел как общественный деятель, прежде всего, в области народного просвещения. Он предстаёт как попечитель гимназии, участник учительских съездов, организатор вечерних курсов. Кохомский пользовался большой популярностью среди молодежи и уважением у коллег. Он много и охотно выступал на общественно-политических диспутах. Например, известна его полемика с М.В. Фрунзе в октябре 1917 г. по поводу созыва Учредительного Собрания⁶. Он читал доклады, вызывавшие интересные споры, на заседаниях шуйского религиозно-философского кружка в 1918 г.

Важной частью деятельности Кохомского было его участие в политической жизни города и уезда. Он был одним из лидеров шуйской внепартийной трудовой демократической группы. При его деятельном участии эта группа летом и осенью 1917 г. составила значительную конкуренцию большевикам как на выборах в местные органы власти, так и на выборах в Учредительное Собрание. Они выступали единым списком, в котором были представлены фамилии И.В. Кохомского и И.Е. Чернышева. Несмотря на то, что Кохомский имел широкую поддержку в среде местной интеллигенции (об этом есть многочисленные свидетельства в воспоминаниях большевиков), большой поддержки населения местные кадеты не имели. Как вспоминал С.В. Бальмонт (племянник поэта), представитель «прогрессивных групп» Кохомский был «очень популярный деятель, хороший оратор, имеющий за собой много сторонников»⁷. Позже Фрунзе признавался, что местная интеллигенция большевиков не поддерживала⁸. Однако местные либералы проиграли выборы в городскую Думу и уездную Управу, а позже и в Учредительное Собрание. А в ноябре 1917 г. они потеряли контроль над печатным органом, и «Шуйские известия» сменили не только название («Маяк»), но и политическую ориентацию.

Лишенные возможности открыто выражать свои взгляды, представители либеральной интеллигенции решили издавать рукописный журнал, к участию в котором был привлечен И.В. Кохомский⁹. «Свободная мысль. Общественно-научный и политический журнал. Орган шуйской интеллигенции. № 1. Издается при Шуйской Секции О-ва Взаимопомощи Курсисток и Студентов Владимирцев. 1918 г.» - так назывался этот журнал. Эпиграфом к нему взяты слова «Vivos voco!», поскольку защита свободы слова была главной целью его создателей. Этот журнал без преувеличения можно назвать «шуйскими «Вехами».

Журнал издавался студентами шуйского землячества, среди которых были кадеты, эсеры и меньшевики. По своей направленности это был орган, представлявший взгляды всех, несогласных с большевиками. В редакционной статье подчеркивалось: «Что касается отдела политического, то партийности в нем не должно быть – открыты двери для каждого, к какой бы партии он не принадлежал; наша задача – вызвать обмен мнений, а не навязывать каких-либо убеждений». Однако журнал сразу отказался от политических статей правого характера.

Издателями журнала выступили С.Г. Грамматин, Г.А. Петров, А.А. Романов, В.С. Сперанский (члены редакционной комиссии). Это младшее поколение известных в Шуге родов дворян, священнослужителей и купцов, цвет местной интеллигенции. Они были обеспокоены, что «со всех сторон слышатся по адресу интеллигенции вообще и студенчества в частности нарекания за то, что в этот трудный для страны момент не только не видно их работы, но не замечается и особого желания к созданию новых, лучших условий жизни государства и к спасению последнего от того ужасного разложения, в котором оно находится». Авторы журнала отмечали, что мало-помалу к рабочим массам начинает возвращаться сознание ситуации, а это дает возможность интеллигенции применять свои силы в культурно-общественной работе. По мнению издателей, нужно было дать понять рабочим, что «мы несем в своих знаниях не какую-нибудь контрреволюцию, а наоборот, формы жизни очень далекие от прежних, формы эволюционные, не выдуманные, не те эксперименты, что сейчас проделываются».

Журнал состоял из нескольких разделов: художественно-литературного, политического, философского, научного и отдела земляческой жизни. Все эти разделы представляют интерес для широкого круга исследователей. В литературно-художественном разделе была опубликована повесть В.М. Сперанского «Испытания», рассказывающая о трагической судьбе интеллигенции в революции, аграрных беспорядках, жестокости народной стихии, и сонеты известного в Шуге поэта Михаила Барсукова «Германии» и «России».

Особенно важен политический раздел. В нем была опубликована статья «Что они дали?», подписанная «Студент-меньшевик». В резкой полемической форме автор статьи, главным образом излагая основные идеи лидеров меньшевизма, отмечает неизбежность гибели России и всего того, что дала революция из-за характера установившегося политического режима. «Уже в дни первого свободного лета слышались голоса, предостерегающие народ от той участи, которая его ожидает, если он пойдет за теперешними его руководителями и осуществит бесконечно гибельную при современных условиях диктатуру пролетариата. И Плеханов, и Церетели напоминали пророческие слова Энгельса, что для рабочего класса не может быть большего несчастья, как захватить полноту политической власти в тот момент, когда он еще не созрел для плодотворного употребления в дело этой власти», - пишет сторонник правого крыла РСДРП.

В «Заметках о 1-ом мая» представлены взгляды на прошедший праздник социал-демократа и кадета. Первый описывает малочисленность митинга, убедительность речи М.В. Фрунзе, но отмечает, что «наш идеализированный народ, и так достаточно некультурный сам по себе, распущенный благодаря ошибкам и неосмотрительному попустительству ныне у власти стоящих, потерял и чувство родины, и чувство самоограничения, которые необходимы для того, чтобы организовать сильную духом армию и урегулировать хозяйственную

жизнь страны». Кадет же сосредоточил внимание на внешней стороне праздника в провинции: линию «удивительно кривого фронта» отряда Красной гвардии, падение с лошади одного из распорядителей парада и т.п. и сделал вывод, что «не ко двору нам заморские выдумки».

В одном из наиболее интересных разделов журнала – религиозно-философском – опубликованы статьи С.Г. (Сергея Грамматина - ?) «Светское мировоззрение и христианство в их взаимоотношениях» - отзыв на доклад И.В. Кохомского в Религиозно-философском кружке – и статья самого Кохомского «О пробуждении религиозно-философских и церковных интересов». Публикация С.Г. рассматривает взаимоотношения светского и христианского мировоззрений с той точки зрения, что «вера и знание отнюдь не исключают, а только дополняют друг друга». Между тем, в очерке истории рационализма он отмечает прежде всего негативные, на его взгляд, стороны данного движения: гуманизм привнес «идолопоклонничество перед человеком, невзыскательность к нему; отсюда анархия мысли и воли; отсюда начало плоского позитивизма», а просвещение «преклоняется преимущественно пред его (человека – В.В.) разумом, забывая об его ограниченности, о его бессилии в разрешении «проклятых вопросов». В целом все это является частью безумной и дерзкой попытки сравняться с богом. В свою очередь И.В. Кохомский отмечал, что «в настроении некоторой части русского общества произошел на наших глазах глубокий перелом, перелом в сторону религиозных и церковных устремлений... Вопросы религиозные и судьбы церкви православной стали волновать в наши дни даже тех, кто раньше вменял себе чуть ли не в обязанность не интересоваться и не думать ни о том, ни о другом». Это упрек Кохомского относился к интеллигентам, а основное содержание статьи сводилось к тому, что «появление религиозно-мыслящего интеллигента поведет к постепенному преодолению интеллигентской однобокости».

Последний раздел журнала посвящен земляческой жизни шуйского студенчества и представляет собой интереснейший источник сведений о деятельности студенческих организаций второго года революции. Основной частью их работы стала деятельность в области народного образования. Один из издателей журнала С.Д. Грамматин с 1918 по 1923 годы работал в Шуйском уездном отделе народного образования, а многие члены землячества впоследствии станут учителями.

Можно лишь приблизительно установить время, когда был написан данный журнал. Это промежуток между 1 и 7 мая 1918 г. Как известно, к этому времени советская власть достаточно прочно установилась в центральных районах России, но на окраинах уже начиналась Гражданская война. Появление журнала «Свободная мысль» - закономерное явление, поскольку с ноября 1917 г. большевики вели целенаправленную политику по уничтожению оппозиционных движений и свободы слова. Кстати, до сих пор неизвестно, был ли выпущен второй номер журнала. По всей видимости, не был. Следует отметить, что участие в издании антибольшевистского журнала не прошло даром для

некоторых лидеров шуйского землячества. Как сообщил А.С. Грамматин, в следственном деле его отца С.Д. Грамматина (1896-1952), репрессированного в 1938 г., упоминается факт участия в землячестве¹⁰.

По «легенде», рассказанной шуйским краеведом Л. Шиловым, журнал, вероятно, был переписан рукой его отца Николая Дмитриевича Шилова (1894-1938), который также был членом землячества и долгие годы хранил свой экземпляр дома. В конце 50-х годов Л.Н. Шилов передал этот журнал в дар музею М.В. Фрунзе, и в настоящее время он находится в основной экспозиции.

Журнал «Свободная мысль» показывает, что споры о судьбах интеллигенции в России в 1918 г. (а это год создания сборника «Из глубины») велся не только в столицах, но и в провинции, а содержание интеллигентских дискуссий начала века не осталось незамеченным на местах. Кроме того, журнал опровергает устоявшееся мнение, что в ряде центральных районов России приход к власти большевиков не вызвал никакой оппозиции. Крушение России получало живой отклик в умах провинциальной интеллигенции, которая стремилась к свободному выражению своего мнения.

¹ Возилов В.В. Его жизнь – яркий пример служения избранному делу // Шуйские известия. 1997. 21 окт. № 164; Степанов А.В. Итоги и перспективы изучения печатной темы // Иваново-Вознесенский край: история и современность: Материалы II областной краеведческой конференции. Иваново, 1992; Мозгова Г.Г. Первые шуйские фотографии // Провинциальный анекдот: Чтения по региональной казуальной истории. Вып. 1. Шуя, 2000.

² Шакиров Ю.А. Роль интеллигенции в кадетских организациях Центральной России // Интеллигенция, провинция, Отечество: проблемы истории, культуры, политики: Тезисы докл. межгос. науч.-теор. конф. Иваново, 1996. С.267.

³ Семененко А.М. О социальной базе российского либерализма (1905 – февраль 1917 гг.) (На примере Владимирской и Костромской губерний) // Интеллигенция, провинция, Отечество: проблемы истории, культуры, политики. Иваново, 1996. С. 280; Яковсон Ю.А. Кадеты в текстильном крае (1905-1907) // Краеведческие записки. Вып. 2. Иваново, 1995. Макарова Н.К., Терентьев В.П. Документы, востребованные временем: архивные материалы местных организаций политических партий Иваново-Вознесенского промышленного района. 1905-1920 гг. // Земства и Советы: исторический опыт и современные проблемы местного самоуправления: Сб. ст. Иваново, 1995.

⁴ Бородин Г. Шуйская республика // Знамя коммунизма. 1987. 27 и 30 окт. № 171, 173.

⁵ Возилов В.В. Иван Васильевич Кохомский – первый редактор газеты // Шуйские известия. 2001. 24 апр. № 62; Кохомский И.В. О пробуждении религиозно-философских и церковных интересов. Подготовкая текста к публикации В.В.Возилова // Там же.

⁶ Зеленский М.И. М.В. Фрунзе в Иваново-Вознесенском районе в 1917 году. Иваново, 1947. С.61-62.

⁷ ШМКЦ. НВФ. Инв. № 8/4. Л. 3.

⁸ Фрунзе М.В. Собр. соч. Т. 1. С. 521-522.

⁹ Возилов В.В. «Свободная мысль» - журнал шуйской интеллигенции // Шуйские известия. 2001. 31 июля. № 117.

¹⁰ Грамматин А.С. Грамматины. История рода священнослужителей Владимирской епархии. СПб., 1999. С. 27-29.

Н.С. ШЕПТУХОВСКАЯ
(г. Шуя)

СУДЬБА СПАССКОГО ХРАМА В ЗАПИСКАХ ЕГО ПОСЛЕДНЕГО НАСТОЯТЕЛЯ

*Храмы открыты, но храмы
взрываются динамитом...
(Г.П. Федотов)*

Храм Всемилоственного Спаса или Спасская церковь была возведена в центре города Шуи. Строительство было длительным - с 1833 по 1847 г. Сооруженная в греко-итальянском стиле, церковь стала основной доминантой архитектурного облика Спасской площади до 1930 г.¹ *«Об одной главе, с круглым трибуном, утвержденным на угловых лонетах или парусах. Верхняя половина купола обита белым железом, а нижняя выкрашена голубой краской, с накладными вызолоченными звездами. Глава и крест вызолочены через огонь. <...> Входные крыльца - с фронтонами, поддерживаемыми колоннами, с лепными катителями. <...> Карниз и окна украшены изящными лепными гипсовыми Херувимами <...> Алтарь, купол и стены храма искусно расписаны разными священными изображениями. <...> Иконостас трехъярусный, деревянный, резной, отделанный под мрамор белого цвета и вызолоченный на полимент»².* Иконы древние, многие в «сребро-позлащенных ризах», осыпанных драгоценными камнями. В церкви было три престола: Спаса Нерукотворного, Владимирской иконы Божией Матери и Боголюбской иконы Божией Матери. Среди церковной утвари особо значимыми были: крест времен Ивана Васильевича III, кресты с мощами разных святых, Евангелие 1677 г. При храме существовала довольно богатая библиотека (100 томов). С западной стороны к церкви примыкала колокольня, с северной стороны каменная часовня, построенная в честь чудотворной иконы Шуйско-Смоленской Божией Матери, избавившей город от моровой язвы в 1654 г.

В XIX веке в Спасской церкви служили священники: Петр Андреев (1803-1808), Илья Григорьев (1808-1844), Александр Кохомский, кандидат Санкт-Петербургской Академии (1844-1849), протоиерей Михаил Миловский, кандидат Московской Академии (1850-1893).

В 1893 г. настоятелем Спасской церкви был назначен священник Дмитрий Васильевич Грамматин (22.09.1860-28.09.1940). Родился в селе Казнево Меленковского уезда Владимирской губернии в семье священника. После окончания Муромского духовного училища поступил в 1884 г. во Владимирскую духовную семинарию, которую закончил в 1891 г. Был учителем церковно-приходской школы в с. Абакумово Покровского уезда. В 1893 г. женился на дочери настоятеля Спасской церкви г. Шуи Миловского Михаила Васильевича Екатерине, имел двоих детей. Дмитрий Васильевич Грамматин служил в Спасской церкви в течение 37 лет. За усердную службу был награжден в 1898 г.

набедренником, в 1902 г. бархатной камиллавкой, в 1910 г. наперсным крестом, в 1912 г. - орденом Святой Анны III степени, имел серебряные медали «За заслуги» для ношения на Владимирской и Александровской лентах. 11 лет был законоучителем Шуйского приходского училища, преподавал в Шуйской женской гимназии, вел большую просветительскую работу. Один из первых в губернии организовал при церкви уличную стэнд-библиотеку. Публиковал статьи во «Владимирских епархиальных ведомостях». 5 апреля 1918 г. ему был присвоен сан протоиерея³. Именно он стал свидетелем и летописцем печальной судьбы одного из красивейших храмов Шуи.

С 1869 г. в Спасском храме велась церковно-приходская летопись. В Шуйском историко-художественном и мемориальном музее хранится копия данного документа с дополнениями. Она представляет собой рукопись на 42 страницах, состоит из 2-х частей. Основная историческая часть составлена неизвестным автором при протоиерее М.В. Миловском не позднее 1893 г. на основе различных источников с 1796 г. Вторая часть летописи написана собственноручно Д.В. Грамматиным. Несмотря на то, что записи Грамматина носят фрагментарный характер, они охватывают жизнь церкви и ее православной общины с 1925 г. по 1928 г. и содержат уникальную информацию о передаче храма обновленцам, переводе православной общины Спасской церкви в Покровскую церковь, переносе ряда церковных ценностей в различные храмы г. Шуи. Далее приводятся наиболее интересные фрагменты рукописи Д.В. Грамматина, знаком ... обозначены неразобранные места.

«К началу XX столетия Спасский приход был очень большой, число дворов (квартирохозяйств) в нем было до 220, а число прихожан мужского и женского пола свыше 1000 душ. Сам храм внутренне был весьма благоустроен и снабжен богатой утварью и церковной ризницей. Причт при храме был полный: из настоятеля протоиерея Д. Грамматина, штатного дьякона Василия Ив. Рудакова, служившего при храме с 1905 г. и штатного псаломщика в сане дьякона Михаила Александровича Смирнова, служившего здесь бессменно с мая месяца 1885 г.

Верующие (разных сословий) с усердием посещали свой приходской храм, охотно жертвовали на его содержание и украшение. Уклонений в раскол и сектантство среди паствы не наблюдалось. При общине содержали приличный хор певчих, было введено и общенародное пение в последние годы. Так было до революции 1917 г., так продолжалось делослужение причта и само существование Спасской церкви и во время революции, хотя, конечно, трудности жизни откликнулись и в общине прихода, и в самом содержании культовых зданий, в средствах прожития членов причта. Однако никаких контрреволюционных выступлений или явлений в жизни Спасской религиозной общины не проявлялось (не было), потому что и настоятель храма, и церковный совет, как исполнительный орган общих приходских собраний, в общем своем составе внушали всегда и всем верующим своей обители надлежащее уважение к новому строю гражданского управления и полное свободное подчинение

современным законам Советской Власти, объявившей с 1918 г. полное отделение церкви от государства и школы. Налоги и повинности на храм члены Спасской общины старались «путем самообложения» выплачивать спокойно и аккуратно, и само здание церкви и служб при ней не оставляли без необходимого ремонта, хотя это было подчас трудно ввиду того, что многие из верующих... к 1927 и 1928 г. под влиянием антирелигиозной пропаганды отошли от церкви и выбыли из рядов общины, а оставшиеся обнищали материально. <...>

В 1928 г. 8/21 апреля Спасский храм по распоряжению Горсовета был передан со всем культовым имуществом в пользование новой религиозной группы верующих, т. наз. «обновленцев», а вся группа староцерковной ориентации со своим причтом перешла для удовлетворения своих религиозных потребностей в церковь Старого Шуйского Покровского собора и слилась с общиной этой церкви. Священнику и церковному совету «обновленческой» Спасской церкви передана была в том же 1928 г. и сама книга (за церковной печатью) церковной приходской летописи. Община «обновленцев» продержалась в Спасской церкви только до ноября месяца 1929 г., когда сама церковь как культовое здание по распоряжению власти была ликвидирована. Священная плащаница и часть священных икон (12) были переданы в Покровский храм. <...> Главная святыня бывшего Спасского храма – большой Св. Животворящий Крест Господень и большой же Крест из бывшей Спасской часовни с предстоящими в 1930 г. вместе переданы были в Шуйскую Троицкую кладбищенскую церковь. Библиотека Спасской церкви была изъята вся целиком еще задолго до разрушения самой церкви»⁴.

О самом уничтожении церкви в рукописи сведений не имеется. Однако в нее вложена записка на листке календаря 1917 г., где рукой Д.В. Грамматина написан следующий текст: «1930 г. в мае месяце сего года уничтожена (взорвана) была Спасская каменная колокольня, а 3/16 мая несколько дней позже (в 2-3 приема) взрывами особой команды было уронено здание церкви теплой и холодной. Материалы бывшей церкви предназначены на нужды Шуйского строительства»⁵.

Развитие событий в Спасском храме может рассматриваться как наиболее типичный вариант ликвидации православной общины и разрушения церкви посредством «изошренной тактики, и обновленческий раскол стал одним из основных её элементов»⁶.

¹ Шуйский историко-художественный и мемориальный музей (ШИХММ) 2879/2.

² Правдин Е. Описание города Шуи и Шуйских церквей. Шуя. - 1884. С. 109, 110, 115, 118.

³ Грамматин А.С. Грамматин А.С. История рода священнослужителей Владимирской епархии // Свод поколенных росписей. Выпуск 9. - СПб., 1999. С. 23, 24.

⁴ ШИХММ 2879/1.

⁵ ШИХММ 2879/2.

⁶ Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 67.

СОВХОЗ-МОНАСТЫРЬ: КАК ЗАКРЫВАЛИ ПРАВОСЛАВНУЮ ОБИТЕЛЬ

История закрытия православных храмов в провинции в 20-30-е гг. XX в., в том числе и в нашем крае, была длительным и рутинным процессом, связанным не только с идеологическими кампаниями «воинствующих безбожников», но и с финансово-административным давлением на общины верующих.¹

Иначе обстояло дело с закрытием монастырей, где наряду с общегосударственной установкой на ликвидацию, присутствовал индивидуальный подход, обусловленный переплетением ряда факторов: идеологического, хозяйственного и географического. Это хорошо прослеживается в истории закрытия трех монастырей Шуйского уезда: Николо-Шартомского мужского в с. Введенье, Всехсвятского единоверческого женского в Шуе и Воскресенско-Федоровского женского в с. Сергееве. Хотя формально к 1917 г. все они были третьеклассными, их экономическое положение было различным. Всехсвятский и Воскресенско-Федоровский монастыри были весьма успешными в хозяйственном отношении: один - благодаря собственной текстильной фабрике, которая сдавалась в аренду, другой - развитому сельскохозяйственному производству и иконописному промыслу. В отличие от них, наиболее древний в уезде Николо-Шартомский монастырь задолго до революции утратил хозяйственное значение и по сути был «исправительным» для незначительно провинившегося причта Владимирской епархии. Это и предопределило особенности их дальнейшей судьбы.

После создания Иваново-Вознесенской губернии и национализации текстильной промышленности летом 1918 года закрывают единоверческий монастырь - свою роль играет и его городское расположение. В кельях открывают дом инвалидов Первой мировой войны на 90 человек, но при Успенском храме монастыря сохраняется община верующих-единоверцев, насчитывавшая в 1925 г. 125 прихожан, в основном бывших монахинь и послушниц, просуществовавшая до 1930 г.² Ликвидация монастыря как единого архитектурного комплекса происходит в 1931-1932 гг. под предлогом «помехи» движению по вновь открытому Октябрьскому мосту через Тезу. Два храма и другие культовые сооружения были частично разобраны на кирпич, частично взорваны. Кирпич предполагалось использовать на строительстве Дворца труда - проект остался неосуществленным и груды щебня на месте монастыря разобрали только в конце 40 - начале 50-х гг.

Иначе сложилась судьба древнего Николо-Шартомского монастыря. В связи с его периферийным географическим положением и малой хозяйственной ценностью власти ограничились формальным закрытием монастыря в июле 1918 г., тем более, что в монастыре оставалось 6 монахов и 10 послушников.

Монахи были изгнаны, драгоценная богослужebная утварь и ценные иконы - реквизированы, многие иконы и часть библиотеки - уничтожены. В рукописном отделе монастырской библиотеки находились подлинныe грамоты XV-XVII вв., синодики XVI-XVIII вв., письмо святителя Воронежского Чудотворца Митрофана (1623-1703), «Острожская Библия» (1580) И. Федорова. Эти материалы, как и «4 надгробные плиты XVI-XVII вв., находящиеся во дворе монастыря» были переданы в 1924 г. шуйскому краеведческому музею (после закрытия музея в конце 20-х гг. - дальнейшая судьба неизвестна). В феврале 1924 г. при Никольском храме монастыря было зарегистрировано религиозное общество (65 членов), закрытое уездными властями в июне 1924 года под предлогом наличия в селе еще одной церковной общины.

В 20-е гг. на базе монастыря пытались создать трудовую коммуну («совхоз местного Комитета взаимопомощи»), позднее в храмах и хозяйственных постройках разместили зерносклады и молотилку местного колхоза. В 20-е гг. в настоятельском и келейном корпусах был дом-интернат для престарелых и дом инвалидов (до 1924 г.), а затем - коммунальные квартиры. Целенаправленному разрушению монастырь не подвергался, с середины 80-х гг. - пустовал.

Самой удивительной оказалась судьба женского монастыря в Сергееве. В начале XX в. планировка и хозяйство монастыря считались «образцовыми». Он был обнесен каменной оградой, монастырский комплекс располагался правильным четырехугольником вокруг Успенского собора: двухэтажные келейные корпуса (келья на двух монахинь), «игуменский» корпус, «живописный» корпус, трапезная. В монастыре была иконописная мастерская (15-20 послушниц, первые обучались у художников, расписывавших Исаакиевский собор в Петербурге), специализировавшаяся на образе Серафима Саровского, фотография (массовое изготовление видов монастыря). Здесь был сиротский приют на 10 девочек, богадельня, школа. Кроме хлеба, монастырь был на полном самообеспечении: сад, огород, молочное животноводство.

К 1917 г. в монастыре было 60 монахинь и 145 «послушниц на испытании». Экономическое процветание монастыря определило его судьбу после революции. Хотя решение о закрытии также было принято летом 1918 г., но налаженное хозяйство не было разрушено. На базе монастыря, с молчаливого согласия уездных властей и при активном участии директора местного совхоза И.И. Озарина, было создано его отделение (в монастыре в это время было 330 насельниц). Монахини числились как «безземельные члены огороднической артели».³

Сам по себе этот факт не был исключительным. В исследовательской литературе отмечается, что в ряде мест органы власти поначалу благожелательно отнеслись к процессу самоорганизации обитателей в трудовые артели и коммуны с одновременным сохранением в них религиозной жизни.⁴ В 1921 г. в 24 губерниях РСФСР существовало «85 монастырских коммун и артелей», но в основном в северных губерниях.⁵ Для Центральной России сергеевский «совхоз-монастырь» был редкостью. Не случайно он не давал покоя губернским властям.

В мае 1924 г. иваново-вознесенский губком впервые поставил перед шуйским уисполкомом вопрос о том, «как уисполком смотрит вообще на существование монастыря» и «не имеется ли у уисполкома нужды для использования монастырских зданий». Предполагалось перевести сюда инвалидный дом из шуйского Всехсвятского монастыря, но дальше комиссии по обследованию помещений тогда дело не пошло.⁶ Община-артель насчитывала в это время 97 членов и ее по-прежнему возглавляла игуменья Арсения (А.Г. Добронравова, 1879-1939), канонизированная как свящeнноmученица Архиерейским Собором РПЦ в августе 2000 г. Монастырский уклад был сохранен, продолжались церковные службы. В 1924-1928 гг. в монастыре нашел приют и служил митрополит Серафим (Л.М. Чичагов, 1856-1937), причисленный к лику свящeнноmучеников Архиерейским Собором РПЦ в феврале 1997 г.

В 1926 г. в местной печати началась новая кампания за закрытие Воскресенско-Федоровского монастыря, была запущена «легенда» об «озере детских слез» - монастырском пруде, где якобы монахини топили родившихся у них детей. В 1929 г. по решению властей монастырь был окончательно закрыт, монахини изгнаны. Последняя настоятельница игуменья Арсения была арестована в 1932 г. и умерла в заключении в январе 1939 г.

В 1930-1934 гг. на территории монастыря размещалась школа-колония малолетних правонарушителей, в 1934-1953 гг. - совхозная школа животноводства, с 1953 г. - техникум механизации сельского хозяйства. В 30-е гг. были утрачены все святыни и уничтожено внутреннее убранство храмов. В 50-80-е гг. в Михаило-Архангельской церкви размещалась сначала столовая техникума, а позднее - зерносклад. В подвальных помещениях Успенского собора в 50-60-е гг. была машинно-тракторная мастерская, затем собор пустовал. В келейных корпусах размещались квартиры и сельская начальная школа.

Сегодня монастырская жизнь восстановлена в Николо-Шартомском и в Воскресенско-Федоровском монастырях, и поэтому следует помнить, как она угасала под давлением атеистической власти и с чего пришлось начать возрождение. Это тоже часть истории православия в нашем крае.

¹ Иванов Ю.А. Местные власти и церковь в 1922-1941 гг. (по материалам архивов Ивановской области) // Отечественные архивы. 1996. № 4. С. 90-94.

² Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф.Р-1605. Оп.1. Д. 229. Л. 220.

³ Там же. Л. 57.

⁴ Кошевников А.Н. К вопросу о судьбе православных монастырей в первые годы Советской власти // Истор. Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. 2000. № 1. С. 336.

⁵ Зыбковец В.Ф. Национализация монастырских имуществ в советской России (1917-1921 гг.). М., 1975. С. 101-109.

⁶ ГАИО. Ф.Р-1605. Оп. 1. Д. 229. Л. 42, 44.

ИЗ РЫКОВСКИХ В ПУШКИНСКИЕ: ИСТОРИЯ ОДНОГО ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ

1937 год вошел в нашу историю не только как год «большого террора», но и как год всесоюзных торжеств в память столетия со дня смерти А.С. Пушкина. В реальной жизни, как в столицах, так и в провинции эта атмосфера - сочетание праздника и страха одновременно - порождала удивительные ситуации, невозможные ни в другой стране, ни в другое время.

Одним из основных фигурантов печально знаменитого московского процесса по делу так называемого «антисоветского правотроцкистского блока» в марте 1938 г. оказался известный большевик А.И. Рыков (1881-1938) – соратник В.И. Ленина, сменивший его на посту председателя Совнаркома и известный по «рыковке» - первой водке, появившейся в стране в годы НЭПа, после отмены «сухого закона», и прозванной в народе в его честь. «Врагом народа» он стал еще в 1937 г.: после февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) он был исключен из партии и арестован 27 февраля 1937 г. Его судьба была предрешена.

В свою очередь на северо-восточной окраине Шуи еще в 70-е гг. XVIII в. существовали луговая и лесная монастырские дачи (обозначены на плане землемера Хомякова 1771 г.), расположенные, как отмечал В.А. Борисов в 1851 г., «между теперешнею Васильевской дорогой и землею села Юрчакова» и «которые ныне в народе называются Рыковым», видимо, по фамилии одного из позднейших владельцев¹. В начале XX в. это название плавно переключалось на несколько появившихся здесь улиц – город рос. Во всяком случае в 1909 г. Рыковская перечислена городским архитектором П.А. Яковлевым в числе улиц, на которых следовало установить «вывески с названиями», эти улицы были обозначены и на плане города 1913 г.²

В 1937 г. дореволюционное происхождение названия никого не интересовало – в нем слышалось только имя очередного «врага народа». Летом 1937 г., разумеется, по команде «сверху» созывается общее собрание жителей Рыковских улиц, которые выступают с «инициативой», немедленно поддержанной местными властями. 21 августа 1937 г., когда всюду идут пушкинские торжества, президиум Шуйского горсовета постановляет: «рассмотрев решение общего собрания граждан 6-ти Рыковских улиц о переименовании последних, президиум Горсовета постановил: название 6-ти Рыковских улиц совпадает с именем презренного врага народа Рыкова, [поэтому] переименовать в Пушкинские улицы. Обязать горкомхоз в дневной срок произвести замену наружных знаков наименования улиц в соответствии с данным постановлением».³ Что и было незамедлительно сделано. Получилось почти по анекдоту: прежнее название было «не однозначно, зато однозвучно», что и предопределило его судьбу. Впрочем, следует признать, что в череде

шуйских переименований, появление шести Пушкинских улиц вместо Рыковских – далеко не худший вариант.

Первоначальное предложение городского архитектора, представленное в городскую управу в октябре 1909 г., предполагало закрепление названий (на городском плане и путем установки уличных указателей) 45 улиц, площадей и переулков в центральной части города и 12 – в заречной.⁴ При подготовке печатного плана города в 1913 г. (утвержден владимирским губернатором 13 июля 1913 г.) перечень улиц, обозначенных на плане, был значительно дополнен: в центральной части города появилось еще 20 названий улиц, в заречной – 25.⁵ После череды переименований (иногда по 2 раза) в 20-70-е гг. прежние имена сохранили не более 30% из этих улиц, в основном в заречной части города. Только на старых планах и открытках сохранились названия Соборной (Зеленая) и Покровской (Союзная) площадей, Ковровской (Свердлова) и Шахомской (Северный тракт) улиц, прежние имена которых больше соответствуют их нынешней роли в общественной жизни города.

¹ Борисов В.А. Описание города Шуи и его окрестностей. М., 1851. С. 132.

² Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 369. Оп. 1. Д. 2116. Л. 1.

³ ГАИО. Ф. 1510. Оп. 1. Д. 4940. Л. 106.

⁴ Там же. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2116. Л. 1-3.

⁵ Там же. Л. 10-15.

ПРО НАЛИЧНИК
(ЭФФЕКТ «ПЕРЕВЕРНУТОГО КАДРА»
В НАРОДНОЙ АРХИТЕКТУРЕ ИВАНОВСКОГО КРАЯ)

Ивановская область обладает значительным архитектурным наследием, которое составляют не только официально выявленные памятники (храмы, монастыри, усадьбы, особняки, производственные комплексы и т.д.), но и незаурядные произведения народного зодчества. К последним относятся городские и сельские дома с резьбой фасадов.

Объекты этого жанра время от времени привлекают внимание специалистов в области народной архитектуры, и в наиболее заметных публикациях последних лет домам с резьбой, расположенным на территории Ивановской области, отведено значительное место.¹ Однако все они рассматриваются, как правило, в контексте общего развития народной резьбы (преимущественно пропильной) в России во второй половине XIX – первой трети XX столетий. Значительно меньше внимания уделяется вопросам художественного своеобразия фасадов в отдельно взятом регионе.² А между тем, центральная и южная части Ивановской области (Ивановский, Шуйский, Лежневский, Савинский, Тейковский, Родниковский, Палехский, Южский административные районы) обладают ярко выраженными архитектурно-художественными особенностями, касающимися формирования фасадов зданий в целом и их отдельных составляющих (в данной статье мы будем рассматривать их под общим названием «ивановских»).

Речь идет об образе окна – главного функционального и декоративно-художественного элемента фасада жилой постройки. Во многих здешних зданиях композиционная система оконного наличника (навершие – боковины – подоконная часть) построена на своеобразном «инверсионном» принципе, при котором подоконная часть зачастую играет более важную роль в восприятии образа окна, нежели навершие наличника. При этом имеются в виду не только физические размеры элемента, но и степень его пластической проработки. Встречаются примеры, где высота подоконного элемента хотя и превосходит навершие в 2-3 раза, рисунок последнего продолжает оставаться значительно более привлекательным по своим художественным качествам. Однако существуют композиции, в которых при развитой подоконной части навершие наличника играет совсем незначительную роль в восприятии фасада, и характер рисунка подобных наверший может быть воспринят зрителем только при более тщательном рассмотрении.

Такая система служит своеобразным противоречием утвердившимся принципам формирования фасада жилого здания сразу в двух аспектах. В народной архитектуре зачастую декларируется антропоморфность окна как главного элемента художественной системы фасада здания (однокоренными

являются слова «наличник» и «лицо»; существует термин «очелье наличника» происходящий от слова «чело»; навершие довольно часто венчается архитектурной деталью, называемой «кокошником» - при этом его пропорции порой удивительно близки одноименному элементу народного костюма), и упомянутая выше инверсия по сути вводит в некий конфликт с логикой построения образа окна. Кроме того, рассматриваемая композиция не совсем обычна с точки зрения законов архитектоники (навершие наличника в некоторых случаях по существу «прячется» за подзор, что создает ощущение некоего «парящего» окна с «висящей» внизу развитой подоконной частью). В итоге, если мы возьмем ортогональное изображение (рисунок, фотографию и т.д.) такого наличника, а затем перевернем его на 180°, то сюжет станет гораздо более привычным для глаза: развитое навершие – более скромная подоконная часть.

На подобное своеобразие ивановских наличников автор этих строк обратил внимание еще в 1990 году: в одной из публикаций было введено понятие эффекта «перевернутого кадра»³. Однако каких-либо существенных трудов по данному вопросу в искусствоведческой литературе с той поры не было⁴. В настоящей работе мы отметим три основных причины, на наш взгляд, способствовавшие появлению подобных наличников именно в данном регионе.

«Разнообразие декора русского индивидуального жилища прямо связано с его типом (планировкой, конструктивными особенностями, высотностью и т.п.), ибо в народном зодчестве проявляется единство утилитарного и декоративного начал», - пишет С.В. Рождественская⁵. Краткий типологический анализ некоторых примеров городского и сельского зодчества Ивановской области в XIX – начале XX вв. позволяет высказать мысль о том, что акцентирование местными народными мастерами подоконной части фасадов может являться позднейшей «репликой» на один из морфотипов, получивших распространение в этих местах преимущественно во второй половине XIX столетия. Речь идет о жилых зданиях рассматриваемого региона (в Шуе, Плесе, Приволжске, Кохме и др. населенных пунктах), характерной особенностью которых является развитие полуподвального этажа⁶. Окна этого полуэтажа, за редким исключением, не имеют наличников, что делает нижнюю часть фасада излишне лапидарной по отношению к декорированной верхней. Такая ситуация могла стать стимулом к созданию художественного решения, способного ликвидировать композиционный «эксцентриситет» и придать визуальное равновесие всей лицевой части здания. Этим может быть объяснено особое (по-видимому, во многом подсознательное) внимание последующих поколений мастеров Ивановской области именно к подоконной части фасадов. Таким образом, чисто декоративная система фасадов построенных ими домов (городских и, в особенности, сельских) уже не зависящая от происходящих в здании процессов, становится своеобразной «реакцией» на более ранние фасадные системы, являющиеся прямым следствием функционально-типологических особенностей, присущих определенной группе городских и сельских зданий этого края⁷.

Следует также обратить внимание на тот факт, что наличники с развитой подоконной частью стали в большом количестве появляться здесь на рубеже XIX и XX веков. В это время в России уже установились принципы нового архитектурного стиля – модерна. Так как Иваново являлось крупным промышленным центром, находящимся в относительной близости к Москве, в его архитектурно-пространственной среде быстро усваивались все художественные новации того времени. Архитектура Шуи, Вичуги, Кохмы, Кинешмы и других значительных промышленных поселений края в эти годы мало чем отличалась от ивановской, не считая, разумеется, меньших физических масштабов строительства. По-своему модерн повлиял и на народную архитектуру многочисленных поселений сельского типа, окружающих фабричные центры, и как раз здесь, на наш взгляд, кроется еще одна возможная причина появления наличников, формы которых оказались столь необычными для средней полосы России.

Исследователь русской архитектуры начала XX века Е.И. Кириченко пишет: «...Свойства модерна, выглядевшие нарушением логики, тектоники и архитектурной закономерности, уже не кажутся несообразностью и прихотью. Они предстают в ином свете – не как отказ от архитектурных норм вообще, а как отказ от исчерпавших себя норм определенной эпохи»⁸. В этой связи можно констатировать, что модерн проявился в сельской архитектуре текстильного края России не столько в следовании мастерами каким-либо формальным художественным принципам, сколько в упомянутой выше «попытке нарушения логики», являющейся следствием «отказа от исчерпавших себя норм» предшествующей эпохи, связанной со становлением и развитием промышленности края в невиданных доселе масштабах. «Нарушить логику» фасада сельского жилого дома, представлявшего собой отработанную веками, практически неизменную, художественно законченную систему, можно было только одним способом: изменить отдельно взятую деталь, играющую важную роль в композиции фасада, но изменить ее так, чтобы она приняла принципиально новый, острый и необычный художественный образ. Возникшая «инверсионность» в образе окна, о которой говорилось выше, возможно, и является следствием особенностей интродуцирования принципов нового стиля в сложившуюся фасадную структуру. Однако, как и в предыдущем случае, следование народными мастерами законам, свойственным модерну, скорее всего можно рассматривать в качестве подсознательного акта, прямо не связанного с попытками анализа сущности избранного стиля.

Наконец, не следует забывать, что русское народное зодчество всегда имело тесную взаимосвязь с другими жанрами традиционного искусства⁹. В нашем случае логичной представляется попытка установить степень влияния искусства изготовления ивановских ситцев на народную архитектуру¹⁰. Если более внимательно посмотреть на подоконный элемент ивановского наличника, то можно заметить, что образ этой детали имеет много общего с образом ткани, как бы свисающей с подоконника и прикрывающей будто бы «необработанную»

часть фасада между окном и цоколем. Разумеется, какая бы то ни было «субстанция», материализованная в народном искусстве и призванная изображать спадающую ткань, гораздо более уместна под окном, нежели над ним.

Сходство с тканью усиливает фактура «поля» подоконной части – это достаточно тонкие вертикальные рейки, набитые так, что через них просвечивает стена дома, имеющая как правило, интенсивную окраску. Две симметричных детали, завершающие композицию боковин наличника и уподобленные традиционным свисающим «гирькам» или «кистям», развернуты в противоположные стороны – подобный элемент, по-видимому, также служит усилению образа свисающей ткани, несколько собранной с боков (в таких случаях края настоящей ткани действительно расходятся книзу). Все эти наблюдения, разумеется, по-своему субъективны, но, с другой стороны, как уже говорилось, формы, подобные тем, что можно встретить в художественном решении ивановских наличников, не встречаются в других регионах России.

Ивановские наличники с развитой подоконной частью получили широкое распространение в советское время – в эпоху бурного развития текстильной промышленности в крае. В 20-30-е годы продуктивно работали артели, состоящие из мастеров, обучение которых секретам ремесла происходило еще в дореволюционное время. Показательно то, что и в последующие годы такие наличники продолжали появляться на фасадах как рядовых сельских построек, так и известных в области и за ее пределами единственных в своем роде «домов-теремов»¹¹.

Итак, на возникновение наличников с развитой подоконной частью могли повлиять архитектурно-типологические традиции и художественно-этнографические особенности региона. Важным импульсом к их широкому распространению послужила деятельность народных мастеров с их стремлением к творческому переосмыслению принципов стиля модерн, развитие которого совпало по времени с описываемым периодом. В результате Ивановский край обогатился многочисленными произведениями народной архитектуры, служащими прекрасным отражением его неповторимости и своеобразия.

¹ Рожественская С.Б. Русская народная художественная резьба в современном обществе. – М. – 1981; Скворцов А.И. Русская народная профильная резьба. – Л. – 1984.

² В данном случае термин «регион» понимается не в политико-административном или экономическом аспекте, а как территория, характерная общностью архитектурно-художественных традиций.

³ Мержанов С. Кружева родного дома (рубрика) // «Сельское строительство». – 1990. – № 10. – С. 58-60; «Сельское строительство». – 1996. – № 3. – С. 48.

⁴ Несколько ранее в одном из трудов, посвященных русскому народному искусству, были опубликованы натурные фотоснимки наличников (на фасадах зданий в г. Шуе), характерных указанными признаками, но при этом какого-либо анализа их художественных особенностей не приводилось (Будина С.Р., Шмелева М.Н. Город и народные традиции русских. – М. – 1989. – С. 111, 113). Впрочем, здания с развитой подоконной частью наличника встречаются и за пределами Ивановской области и к тому же зачастую относятся к более ранним хронологическим периодам. Однако тектоника фасадов этих зданий, либо их композиционная система не позволяют считать

подоконную часть наличника определяющим элементом фасада. Самое же главное состоит в том, что, если во всех других российских регионах такие постройки являются редкостью, то на сравнительно небольшой по территории Ивановской области подобные примеры исчисляются тысячами единиц, что дает нам возможность говорить о ярко выраженном своеобразии в местной архитектуре.

⁵ Рождественская С.Б. Указ. соч. – С. 37.

⁶ Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Ивановская область. Ч. 3. – М. – 2000. – С. 65-66; 76-80; 396-462.

⁷ Отдельные здания с развитым полуподвальным этажом, либо мощным цоколем, расположенные в других регионах, также обладают выразительным декором подоконной части наличника. Наиболее характерным примером является хрестоматийная «Погодинская изба» на Девичьем Поле в Москве, построенная в 1850-е гг. (арх. Н.В. Никитин).

⁸ Кириченко Е.И. Русская архитектура 1830-1910-х годов. – М. – 1978. – С. 182.

⁹ Этой проблеме посвящены многие труды отечественных исследователей. См., напр.: Некрасов А.И. Русское народное искусство. – М. – 1924. – С. 100-101; Званцев М.П. Домовая резьба. – М. – 1935. – С. 22; Аверина В. Городецкая резьба и роспись. – Горький. – 1957. – С. 22-23; Будина С.Р., Шмелева М.Н. Указ. соч. – С. 104-105.

¹⁰ Необходимо иметь в виду, что и в самом искусстве ситцев органично переработаны разнообразные художественные формы, пластические и цветовые сочетания, характерные для предшествующих этапов развития русского декоративно-прикладного искусства. См.: Ивановские ситцы. Авт.-сост. Е.В. Арсеньева. – Л. – 1983. – С. 14-15.

¹¹ Характерен в этом смысле знаменитый дом П.М. Ишкина в селе Лежневе. См.: Киселев В., Носов А. Резчик-умелец. // «Неделя». – 1983. – № 47. – С. 23.

П.С. ДУБРОВСКИЙ
(г. Шуя)

РАССКАЗ О ТОМ, КАК «КУЛАК» УВЕКОВЕЧИЛ СВОЕГО АВТОРА (ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОРТРЕТА)

Еще в раннем детстве, когда я малолетним ребенком увидел в книге «Искусство Палеха» работу неизвестного автора «Портрет крестьянина в красном», она показалась выпадающей из общего фона ярких лаков и чеканных икон, представленных в книге. В дальнейшем мой глаз неоднократно останавливался на этой репродукции, но в детстве я так до конца и не понял, что же именно меня смущало.

Сейчас, спустя много лет, когда я стал уже взрослым человеком, мне по роду моей научной работы попало в руки драгоценное издание первой книги о Палехе – «Палешане» Е. Вихрева. К этому времени я уже знал, что «неизвестный художник», это «бедный гений», талантливый иконописец и непризнанный самобытный поэт, спившийся от нищеты и безысходности, А.Е. Балденков. Что «портрет крестьянина» – это «Кулак», которого И.И. Голиков вместе с зарождающимися палехскими лаками показывал на одной из первых зарубежных выставок. Что «Кулак» – это единственная сохранившаяся работа А.Е. Балденкова, о которой сам Е. Вихрев пишет следующее: «Иван Иванович Голиков выставил картину «Кулак» в артели, на том шкафу, где покоятся готовые к далекому путешествию лаки «Made in Russia». «Кулак» Балденкова кажется не нарисованным, а вылепленным из разноцветных глин. Чистый белесовато-розово-охряный цвет лица, умело оживленного морщинами, сметливые, хваткие глаза, каштановые волосы под кружку и окладистая каштановая борода, косоворотка под жилеткой, – все сделано твердой рукой, добротной краской. Иконописная строгость и параллельная частота линий плодотворно сочетаются с откровенностью житейски правдивых красок. «Кулак» – единственный, такого больше никто не напишет. Но как же быть с фоном? Он грязен и бесцветен.

Иван Иванович, вертя цыгарку, соображающе вглядывается в картину и полушепотом обдумывает композицию батрацких работ. Он хочет осуществить замысел Балденкова».¹

Спрашивается, что же это за замысел, что хотел показать Балденков, и вообще, кто изображен на портрете? Сейчас я могу ответить на этот вопрос, прочитав «мемуары малограмотного сочинителя». Я, наконец, понял, что же смущало меня и, возможно, многих других людей, видевших эту работу.

Однако вот что пишет о себе сам Балденков: «...мне выдали удостоверение, что я действительно был честным революционным маляром. Вскоре я опять очутился в Палехе, который называл в своих памфлетах «Чертов уголок» и стал жить вместе с матушкой. Матушка снискивала себе пропитание пряжей, хождением по миру и враньем на картах.

С наступлением зимы двадцать четвертого года сельсовет назначил меня сторожем в лесной сторожке при кирпичном заводе (откуда я и начал свои мемуары). На сию незавидную работу никто, кроме меня, не желал идти. Однажды, находясь на дежурстве во вверенной мне сторожке, услышал я, что к заводу подъехала чья-то подвода и чьи-то торопливые руки стали тихонько укладывать в дровни кирпич. Несмотря, что я был несколько под Бахусом, я успел сообразить, что таинственный посетитель – не иначе, как вор, потому что он не предъявил мне ордер от сельсовета на получение кирпича. Недолго думая, я выхожу из своей виллы, и глазам моим представляется никто иной, как дьякон. Так и накрыл я его на месте преступления и никак не мог он от меня отвертеться. Он уже было и смазать меня хотел, но нет, я сказал, шалишь, такими делами мы не занимаемся. Вскоре под моим конвоем дьякон был благополучно доставлен в сельсовет. А чтобы вперед была наука, а также, чтобы подорвать в темных массах веру в служителей церкви, я пустил по селу новый памфлетик: «Посвящение отцу дьякону и прочим пастырям духовным насчет похищения оным кирпича».

К сему первый куплет (остальное запомнил):

Дьякон местного прихода
Вздумал слямзить кирпичей,
Впряг своєю инохода,
Днем поехал (нет ночей!)...

Затем я взял на прицел небезызвестную учительницу нашу, Людмилу Ивановну – фанатичку и изуверку.

К сему памфлет, из которого все ясно:

Не желает эта фея
В душу пахарю взглянуть.
У нее своя идея –
Херувимскую тянуть.

Раз в неделю посвященья
Создан школьный был совет,
Ей в комиссию поощренья
Предлагали. Вот ответ:

А подите вы, мол, к черту
(У нее уж нрав таков),
Не такого я, мол, сорту,
Чтоб учила дураков.

Лучше буду петь я в уши
Им стихов святую ложь
И собирать за это куши –
Денежки, овес и рожь.

Словно ласточка, памфлет сей облетел в какой-нибудь день все село и вскоре палешане стали меня корить: как, мол, тебе не стыдно, такая, мол, хорошая учительница у нас, Людмила Ивановна, ее, мол, и задевать не следует,

тем более тебе. Всех больше усердствовал и кричал на меня наш кулак и церковный староста по прозвищу Ижица. Завидев меня на берегу речки, где я мирно сидел за любимым моим занятием, то есть за бутылкой водки, Ижица подошел ко мне и укоризненно проговорил: «Ах, ты, писака эдакий». И не дождавшись от меня должного ответа, он смазал **кулаком** своим по моей ни в чем не повинной физиономии, так что я развалился на травке напоподобие трупа. Ижица пошел своей дорогой, а вдогонку ему я успел только крикнуть:

- У тебя кулак, а у меня гений! Мы еще посчитаемся!

И, в свою очередь, закончив сию невеселую трапезу и протрезвившись, я все косточки его пересчитал на своей лире и отнюдь не считаю себя побежденным, а совсем наоборот – победителем. Еще и теперь мои молодые поклонники (я знаю, что они у меня есть, хотя и не признаются во всеуслышание) цитируют иногда на улице под балалайку или под гармошку начальные куплеты:

Кулак много засекает,
А собрать не успекает.
Как же с горем этим быть?
К беднякам надо сходить.
Федор! Сидор! Тит Пахомыч!
Отпустите баб на помощь!
Всем скажите вы Аринам,
Дарьям, Марьям, Катеринам,
Самовар поставлю с дымом,
Напою чайком с ландринном!

Но не удовольствовавшись этой справедливой местью, я придумал и еще одну затею. На чердаке я откопал старую иконную доску и нарисовал на ней портрет Ижицы, а вместо облаков, неба и сияния хотел изобразить картинками, как кулак выжимает пот из бедняков в жнитво, в сенокос и в пахоту. Жалко, что намерение свое я не довел до конца и где-то затерял доску. Если найдется она после смерти моей, пусть тот, кому будет охота, доделает кругом готового лика вышеозначенные картинки по своему вольному усмотрению и вдохновению.²

Оказывается, вот что хотел дорисовать И. Голиков на «грязном и бесцветном фоне», вот что смущало и мою детскую душу. «Кулак» – это был «ехидный памфлет»³, карикатура, может быть, еще более сильная, чем стихотворные опыты обиженного поэта. Это была месть униженного человека, который хотел таким образом «изничтожить» своего обидчика. Но! Как это часто бывает в истории, тот, кому бесхитростно мстил поэт при жизни, прославил и увековечил его после смерти. Кулак, обидевший нос незадачливого поэта, превратился в «Кулака», бессмертившего талант «бедного гения».

¹ Вихрев Е. Палешане. М.: Московское товарищество писателей. 1934. С. 381-382.

² Там же. С. 358-362.

³ Там же. С. 356.

КАЛИГИ, КАЛИШКИ И КАЛИКИ

Хорошо известно жителям Ивановской области слово КАЛИШКИ. Оно связано своим происхождением со словом КАЛИГИ (КАЛИГИ > КАЛИЖКИ > КАЛИШКИ). В свою очередь, древнерусское КАЛИГА заимствовано из среднегреческого *καλιγα* – «башмак», от латинского *caliga* – «полусапожек» (9, с. 167). Это слово известно по памятникам XII-XVII вв. В «Словаре древнерусского языка XI-XIV вв.» находим: КАЛИГЫ – «вид обуви». Приведем некоторые из иллюстраций, данных в словаре:

«видевъ же и ... МАКъку ризу носаша ... и нозѢ чистѢ в калигахъ»;

«в бане мѢсто мало воды възливаю на нозѢ. и калигы ношу за немощ мою»;

«и поoble (ч)ньи в новую свиту ... и в манатью и в калиги. обувь и...» (5, с. 194).

В «Словаре русского языка XI-XVII вв.» значение слова конкретизировано: КАЛИГИ – «вид обуви (обувь странников; иноческая обувь; обувь типа башмаков, надеваемая преимущественно на мертвых)». Например:

«он же отверзе ми двери святыя и повелѢ ми выступити изъ калиговъ и тако босого введе мя единого в святой гробъ господень»;

«явилъ тихфинець Андреи Булыгинъ ... десятеры башмаки красные, фунт гвоздиги, дватцетеры калиги» и др.

Отмечен в словаре и другой вариант слова – КАЛИГИЯ:

«снемлет же на главѢ его покров и ножныя калигия».

Находим также знакомые нам КАЛИЖКИ (КАЛЕЖКИ):

«явили углечане ... д' десятка калижекъ три мешка бѢлиль»;

«н' портишь нашивок шолковыхъ женских пуд белил м' калежекъ а пугвиц оловяныхъ» (6, с. 35-36).

Известно было и слово КАЛИЖНИК – «сапожник», «тот, кто делает обувь (калиги), башмачник» (5, с. 194; 6, с. 36).

В словарях XVIII в. КАЛИГИ и КАЛИШКИ характеризуются как ритуальная, погребальная обувь (7, с. 50-51).

В.И. Даль приводит следующий ряд слов этого корня: КАЛИГВЫ, КАЛИГОВКИ, КАЛИГИ, КАЛИКИ, КАЛИЧКИ, КАЛИЖКИ. Они употреблялись в разных русских говорах (соответствующие пометы даны в словаре). Значение их автор «Словаря живого великорусского языка» определяет через ряд синонимов – «башмаки, чапчуры, чакчуры, выступки, черевички, обутки; сандалии или поршни; обувь косцов, пастухов; обувь странников, лоскут кожи, затянутый по подъему ремнем» (2, с. 78).

В местном слове КАЛИШКИ актуализировались значения «повседневный», «неказистый», «ветхий», «поношенный» (обувь иноков,

странников, косцов, пастухов не отличалась изяществом и была ветхой и поношенной). Опрос жителей Ивановской области позволил так сформулировать значение этого слова: «повседневная, рабочая, домашняя обувь (калоши, валенки, тапочки, шлепанцы и др.)». Вот фрагменты ответов местных жителей на вопрос «Что такое КАЛИШКИ?»

О калошах: «Мама говорила, что во всякую дурную погоду на двор калишки одеть надо», «Утром по росе ходили в них», «Так это мои калошки, что в огород хожу» (Шуя).

О короткой или специально укороченной для удобства обуви: «Это короткие валенки, я вон зимой по дому в них хожу – и удобно, и ноги не мерзнут», «Мне муж валенки обрезал, пришил резинку – вот это и есть калишки», «Бывало, отец отрежет голенище у старых сапог, так ноги быстренько сунешь в них и побежишь» (Шуя).

О повседневной обуви, не отличающейся красотой и изяществом: «Калишки – оне тряпишные, как теперешние тапки продают, самоделки, оне безо всего, без завязок и каблучков. Раньше тоже покупали их, кто сам-то не умел шить, так с нови и звали калишками. У меня тоже в девках были такие», «Калишки мои старые рассохлись, помнится, весной по лужам нашлындались. И как уж утораздило? Вот и ходила опосля в весну-ту в чёсанках. Хоть и страшно, а чё делать?», «У меня в детстве тапочки домашние были на резинках, вот их мама и звала калишками», «Сам сошьёт, он сапожное-то дело знал, из кожи калишки широкие, чтоб с носком влезали – по дому ходить», «Это такая обувь, которая болтается на ноге и шаркается о пол, калишки обычно бывают велики на два размера их хозяину», «Это глубокие такие, свободные и широкие тапки. Разве ты не знаешь? Ну вот. Они настолько притёрлись к тебе, что их и выбросить-то жалко, а они уж где-где протёрлись, где-где повытерлись»; «Без завязок-то лапти были уж просто для дома, вроде как вот этих вот калишечек» (Шуя), «Во двор выйти – хватит и калишек» (Вичуга), «Так это старые сабоги резиновые – за водой сходить, на дворе прибраться. Они и удобны, и мыть легко» (Приволжск), «В ней (обуви) раньше во двор ходили, гусей кормить, кур загонять, да ещё за коровой с выгона в них было можно» (Шуя).

Об обуви без пяток: «Калишки – плетеные лапти, только без пяток», «Это тапочки такие без пяток, шлепанцы» (Шуя).

О старой, поношенной обуви: «Калишки-то сменить пора!» (иронично), «Обувь старая и разношенная, помятой формы, выбросить её, да и только» (Шуя).

Слово КАЛИШКИ известно и другим русским говорам. А.Ф. Войтенко пишет, что в говорах Подмосковья КАЛИЖКАМИ называли лёгкую обувь из бересты или сшитую из одного или нескольких кусков кожи, стянутых вокруг шиколоток шнурком. В калижках ходили пастухи и пахари. Они считались лучшей формой обуви для летнего времени (1, с. 23).

Жительница г. Нерехты Костромской области дала нам такое описание КАЛИШЕК: «То обувь-то тряпишная, с ремешками, а на ремешки-то привяжем

верёвочки да на плечо закинем, да в церковь пойдём, да только в церкви и наденем. А так всё в руках несли». От жительницы г. Шарьи известно, что в их местности КАЛЫШКАМИ называют калоши.

В «Ярославском областном словаре» отмечены разные значения слова КАЛИШКИ (КАЛИЖКИ, КАЛИЦЫ, КАЛЫШКИ), в том числе те, которые неизвестны говорам Ивановской области, а именно: «лёгкая обувь, надеваемая на умерших», «сшитые из новины чулки до колен», КАЛИШКОЙ называют также человека в рваных ботинках (11, с. 16). Последнее подтверждает одну из версий происхождения слова КАЛИКА («странник, паломник»), связывающую его со словом КАЛИГА (9, с. 167; 10, с. 370). Заметим, что мена парных по глухости-звонкости согласных – известная фонетическая закономерность, характеризовавшая северновеликорусские говоры и отраженная в письменных памятниках XI-XVII вв. (4). Отголоски этого явления в лексикализованном виде дошли и до наших дней. Так, в говорах Ивановской области известно слово ГРЫЖОВНИК наряду с КРЫЖОВНИК, КЛУПНИГА наряду с КЛУБНИКА, а также ЗЕРГАЛО, САБОГИ, КРЫЖЕЧКА и др. Напомним, что и у В.И. Даля отмечено КАЛИГИ и КАЛИКИ, КАЛИЖКИ и КАЛИЧКИ. Следовательно, можно предполагать, что КАЛИКА – это человек, обутый в КАЛИГИ, или, говоря современным языком, – в КАЛИШКИ.

Итак, слово КАЛИГИ, бывшее общерусским, утратилось в языке: оно отсутствует в современных толковых словарях (хотя отмечено в «Словообразовательном словаре русского языка» (8, с. 406) и в «Грамматическом словаре русского языка» (3, с. 147)). В говорах же сохранились его производные.

Литература

1. Войтенко А.Ф. *Что двор, то говор.* – М., 1993.
2. Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка.* В 4-х тт. – М., 1989. Т. II.
3. Зализняк А.А. *Грамматический словарь русского языка. Словоизменение.* – М., 1977.
4. Колесов В.В. *Северновеликорусские чередования согласных, парных по глухости-звонкости // Вестник Ленинградского ун-та. - № 2. Серия ист., яз. и лит. Вып. I. 1963. - С. 103-112.*
5. *Словарь древнерусского языка XI-XIV вв.* – М., 1991. Т. IV.
6. *Словарь русского языка XI-XVII вв.* – М., 1980. Выпуск 7.
7. Судаков Г.В. *Лексикология старорусского языка.* – М., 1983.
8. Тихонов А.Н. *Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т.* – М., 1985. Т. I.
9. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка.* В 4-х тт. – М., 1986. Т. II.
10. Черных П.Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка.* В 2-х тт. – М., 1994. Т. I.
11. *Ярославский областной словарь.* К – ЛЮОВА. – Ярославль, 1986.

О.В. КУРАТОВ
(г. Москва)

МОИ ЗАПИСКИ

Вопрос к себе и к шуянам

Я родился и сформировался как личность в моей родной, очень мною любимой Шуе. В 1942 г. мой отец погиб на фронте, и мы остались вчетвером: мама, бабушка, мой старший брат и я. Как и все другие шуяне, мы выживали за счет выращивания картошки: каждую весну, лето и осень мы садили, полости, окучивали и выкапывали картошку и отвозили ее на деревянной тележке в погреб у дома. Участки нам «давали» либо у Марьиной Рожи, либо на Осиновой Горе. Это продолжалось вплоть до моего окончания школы и уезда на учебу в институт.

Прошло шестьдесят лет. За это время человечество и мы, шуяне в том числе, полностью изменили окружающий мир. В космосе летают тысячи сложнейших аппаратов; изображение и звук передаются хоть из Лихушина, хоть с Марса в любую точку земного шара; непредсказуемо развились транспорт и связь; больных людей ремонтируют как машины, вживляя в них здоровые запчасти; нашими мозгами и руками созданы атомная энергия и страшное ядерное оружие. Этот список изменений мира невозможно завершить. Но...

В течение этих шестидесяти лет я постоянно бываю в Шуе у своей родни. Я вижу, как мои родные и многие другие шуяне *точно так же, как 60 лет назад, вручную сажают, окучивают и выкапывают картошку на той же самой истощенной земле у Марьиной Рожи и точно на таких же деревянных тележках везут ее домой.* И я спрашиваю себя: в чем дело?

Почему этого нет в других странах, которые во многом отстают от нас по интеллектуальному потенциалу и по богатству территорий и недр? Почему каждую осень (весну) шуяне месяц невообразимую грязь на всех улицах и во всех дворах? Почему так и ходят за водой к той самой колонке, из которой я пил воду более полувека назад и не проведут ее в дом, стоящий в двадцати метрах? Почему сейчас, в двадцать первом веке, у подножия городского сада пасут точно таких же худых, облезлых коз? Список этих «почему» также невозможно завершить.

Когда я бывал в других странах, я беседовал со своими ровесниками, у которых тоже погибли отцы и которые тоже, будучи младенцами, были ввергнуты в голод и разруху. Они рассказывали мне, как сажали и возили на таких же тележках ту же картошку. Но, добавляли они, это скоро кончилось. И очень раздражались, если я спрашивал: план Маршалла? Нет, говорили они, совсем нет! Не было бы этого плана, был бы какой-то другой план, не в плане дело. Дело в разумном разделении труда, в соблюдении правил и законов,

в их постоянном совершенствовании, в антимонопольной политике, в рациональности и целесообразности – в общем, далее шло полное непонимание друг друга, хоть на их, хоть на нашем языке.

Когда я беседую о своем «проклятом» вопросе с простыми шуянами, они не берутся на него ответить. Видать, такая у нас судьба, говорят они. Но я вижу, что по-другому им жить не хочется. Если я пытаюсь продолжить копание, все кончается обвинением всех и вся, в первую очередь начальства и власти вообще, но только не себя. Верующие и священники отвечают, что это – воля Божия; иные из них говорят, что это – наказание Божие, а иные – что в этом и есть Божие благословение и спасение, Божий промысел.

Я очень хотел бы ответить на свой вопрос и в то же время знаю, что не смогу этого сделать – этому надо было бы посвятить целую жизнь, а, может быть, и не одну. Ведь только для того, чтобы этот вопрос созрел, потребовалось так много времени. Я хочу передать этот вопрос молодым шуянам – по многовековой традиции, без шансов на успех.

Как я составил свою родословную

Я родился в 1937 г. в г. Шуя Ивановской области. Там же закончил среднюю школу №2, после чего поступил в Ленинградский Политехнический институт. Закончив институт по специальности «Техника высоких напряжений», был направлен на один из новосибирских заводов атомной промышленности, где проработал 20 лет. Работая, учился в заочной аспирантуре и в 1973 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1979 г. направлен на учебу в «элитную» Академию Народного Хозяйства СССР при Совмине СССР. Закончив Академию в 1981 г. по специальности «Экономика, планирование и управление», работал в Москве министерским чиновником, в коммерческих структурах, директором НИИ. В 1997 г. вышел на пенсию. Живу со своей семьей в Москве.

Мои родители переехали в Шую в 1934 г. из маленького городка Никольска Вологодской области. Отец работал там редактором местной газеты и был приглашен в редакцию газеты «Шуйский пролетарий», откуда в 1941 г. ушел на фронт и погиб в 1942 г. Мама до сих пор живет в Шуе. Семья умершего в 1994 г. моего старшего брата также живет в Шуе.

Постоянно по роду работы сталкиваясь со всевозможными энциклопедиями и справочниками, я обратил внимание на упоминания о своем однофамильце родом из Коми, Куратове И.А. (1839-1875), родоначальнике коми литературы. Как заноза, в памяти засела мысль о том, что Вологодская область граничит с Коми республикой, но работа не давала возможности выкроить время на поиски возможных родových корней.

Но вот я оказался на учебе в Академии – и время на такие поиски нашлось. Сначала я изучил все домашние архивы – их оказалось немного, но зацепка, как в заправском детективе, все же нашлась. На одной из старых фотографий был запечатлен благообразный бородатый покойник, тело которого покрывали

пышные венки. Лента одного из венков была развернута таким образом, что можно было прочесть слова «...труженику... Николаевичу...». Мама сказала мне, что это – фотография похорон моего деда по линии отца, Павла Николаевича Куратова. Она же сообщила, что дед был Почетным гражданином г. Никольска, работал бухгалтером земской управы. Приехал ли он в Никольск, родился ли в этом городе, она не знала.

Я по справочникам разыскал адрес музея И.А. Куратова в столице Коми республике г. Сыктывкаре и отправил туда фотографию с запросом – не родственник ли мой дед Вашему знаменитому Куратову? Работники этого музея в последующей переписке задали мне свои вопросы, даже приехали в Москву с вопросами и комментариями. Они подтвердили, что мой дед – это племянник И.А. Куратова, сын одного из его старших братьев Николая. К этому времени я закончил учебу и вновь началась работа.

Я возвратился к своей родословной через 16 лет, когда вышел на пенсию. Времена стали совершенно другими. На мой звонок в Музей И.А. Куратова с просьбой выслать кое-какие материалы мне ответили, что денег на переписку (т.е. на обыкновенный почтовый конверт) у музея нет; финансирование всех поисково-исследовательских работ за неимением средств прекращено. Я решил ехать в Сыктывкар.

Приехав туда, я почти сразу же столкнулся с настоящим чудом: да, государство прекратило финансировать поисковые работы; да, многие почти готовые труды ученых-историков и филологов отложены и ждут лучших времен; но настоящие энтузиасты генеалогии и истории этого края живы и продолжают плодотворно работать! В большинстве своем пенсионеры, они работают, как настоящие трудоголики – с утра до вечера просиживают в архивах, за свой счет ведут переписку с другими архивами, выступают в школах. Они учредили свое, именно *свое*, генеалогическое общество, которое не только регулярно собирается в полном составе, но и издает время от времени методом «самиздата» их труды!

Я своими глазами увидел их маленькие скромные квартирки, все стены которых были оклеены не обоями, а листами бумаги с изображениями бесчисленных ветвей родового древа, иногда с фотографиями персонажей; я лично познакомился с двумя стариками из глухого села Чухлом, которые сами, без всякой помощи описали историю всех родов этого села, осветив эту, казалось, непроницаемую мглу прошлого на целых триста лет! Моим близким другом стал выпускник ВГИКа, бросивший в Питере удачную работу кинорежиссера, а заодно и жилье в доме напротив Адмиралтейства, переехавший в Сыктывкар для того, чтобы успеть написать историю своего рода и создать в не менее глухом селе Помоздино музей этой родословной, непосредственно в доме, где рождались, жили и умирали его предки.

Конечно, лично мне в «раскопках» родословной здорово повезло – несколько энтузиастов оказались моими дальними родственниками и давно уже «копали» свои корни, так или иначе переплетенные с корнями моего именитого предка И.А. Куратова. Однако каждый из них был заинтересован в поисках *своих*

ветвей, т.е. сведениями о своих ближайших прадедах, прабабушках и т.д. А если учесть, что всего сто лет назад нормальное количество детей в семье было около десяти, а браки были ранними, то даже в истории одного «колена» фигурировали сотни персонажей. Мы, т.е. более или менее прямые потомки И.А. Куратова, договорились о следующем: они, живущие в Сыктывкаре и не имеющие возможности приехать в Москву, учитывают мои интересы в своих поисках в местных архивах; я выезжаю домой и начинаю свои поиски в столичных архивах с учетом их запросов.

В Москве меня ожидало также много нового и удивительного. В Центральном Архиве Древних Актов, оформление допуска в который потребовало некоторых усилий (например, от кого может получить направление-письмо пенсионер?), я в первую очередь столкнулся с языковым барьером: все записи в старых документах сделаны на церковнославянском языке. Изучить его все же легче, чем английский, но ненамного. Зато как удивительно и интересно то, что имена простых крестьян и пономарей из древних сел и деревень сохранились до сих пор, словно это имена знатных дворян! Причина этого прозаична и основательна – налоги. С незапамятных времен наш царь-батюшка время от времени издавал указ, и по всем городам и весям матушки-Руси разъезжались комиссии для проверки правильности уплаты налогов. Как правило, такую комиссию возглавлял достаточно высокий военный чин. Прибыв на место, этот чин привлекал к проверкам и составлению новых списков (помните у Гоголя «Ревизские Сказки»?) местного батюшку и наиболее грамотных и пользующихся доверием крестьян. В старину в такие ведомости включались только лица мужского пола, независимо от возраста. В других ведомостях, например, церковных (клировых), приводился весь состав семьи.

Проработав в ЦГАДА две зимы, я смог существенно дополнить интересующие меня сведения о своих предках и помочь своим основным «поставщикам» данных из Сыктывкара. В результате я смог издать собственную родословную, в которой имеются сведения о шестнадцати (!) поколениях моего рода, причем каждое имя имеет четкое документальное подтверждение.

Сама родословная и изданные одновременно краткие описания персонажей нашего рода имеются в школе № 2 и Центральной библиотеке г. Шуи. Там же есть простые и понятные пособия для начинающих изучать свою родословную, написанные истинными знатоками этого захватывающего дела.

Власть - 1

Мне было семь лет – запомнилось потому, что это случилось накануне первого моего празднования в школе Октябрьской годовщины. Значит, это был 1944 год. Мать дала мне денег и отправила постричься, как тогда полагалось, наголо. Шуйская мужская парикмахерская в то время располагалась в двух шагах от нашего дома на Кооперативной улице в специально для этой цели построенном еще до революции красивом домике.

Я вошел в теплое, тесное, пахучее, ярко освещенное помещение и занял очередь. Работали три парикмахерши; своей очереди дожидались военный и еще один мальчик постарше меня. Парикмахерши все втроем трещали о своих делах; по радио громко звучало: «Жил-был король когда-то, при нем блоха жила». Было шумно и уютно.

Отворилась дверь и вошел очередной посетитель. Он был одет в черное пальто, черную шляпу и хромовые блестящие сапоги. Парикмахерши мгновенно замолчали и бросились выключать радио. Военный встал. В полной тишине посетитель снял пальто, повесил его и прошел к сразу же освободившемуся креслу. На нем был короткий темный пиджак, галстук и темно-синие брюки-галифе. Его стригли, и все молча наблюдали, как на крупном затылке обновляется полубокс. Стрижка закончилась. Он, не говоря ни слова, расплатился и стал одеваться. Когда он потянулся за пальто, короткие полы пиджака приподнялись, и я увидел торчащую из заднего кармана галифе рукоятку пистолета. Как только он вышел, военный сел, радио включили, а парикмахерши вновь затараторили.

Власть – 2

В 1979 г. я был направлен на обучение в созданную всего год назад Академию Народного Хозяйства СССР. Отбор и оформление в АНХ проводились по строго установленной процедуре: абитуриенты, как правило, из числа руководителей крупных предприятий, подвергались многочисленным собеседованиям сначала в «своих» обкомах, потом в «своих» министерствах, потом в «своих» отделах ЦК КПСС. На каждом из этих этапов с абитуриентом сначала беседовал низший чин, затем – его начальник, и так далее до первого лица. Всю эту последовательность венчала (для абитуриентов из оборонных отраслей промышленности) беседа с кем-то из руководства ЦК КПСС. С кем – нам до поры до времени не говорили.

В назначенное время нас собрали в ЦК и мы, не успев даже познакомиться, были препровождены в маленький, очень уютный, прекрасно отделанный конференц-зал. Несмотря на его миниатюрность, в торце зала было небольшое возвышение, на котором размещались столик, изящная трибуна и небольшая дверь. Как только мы уселись, в эту дверь вошел уже знакомый нам работник ЦК и объявил, что перед нами выступит человек, имя которого мы все знали, но видеть которого «живьем» до сих пор не удостоились. Это был действительно крупный партийный работник, начальник оборонного отдела ЦК. Свое прозвище «Иван Грозный» он получил не за то, что его звали Иваном, а за крутой нрав.

Объявивший сел за маленький столик рядом с трибуной, и мы в полной тишине стали ждать. «Иван Грозный» появился из той же особой двери минут через пятнадцать. Он медленно подошел к трибуне, не произнес ни слова и стал

молча внимательно всматриваться куда-то поверх наших голов. Через некоторое время мы вдруг услышали... шипящее насвистывание какой-то простенькой мелодии. Потом оно кончилось. Снова воцарилась тишина. Наконец, он заговорил, тихо и неразборчиво. Сказав несколько общих фраз, помолчал. Затем, ткнув пальцем в нашу сторону, спросил: «А ты откуда будешь?» Тот, кому показалось, что спрашивают его, ответил. «Иван Грозный» брюзгливо переспросил, ему громко ответили. Он вдруг удрученно махнул рукой, опустил голову и медленно вышел.

Ананий Иванович

В послевоенной Шуе во времена, наступившие вслед за денежной реформой 1947 г., появилось огромное количество ларьков по торговле одним и тем же товаром (водка и пиво в розлив, бутерброд из черного хлеба с двумя кильками или с двумя кусочками селедки и изредка - конфетка) по строго одинаковым ценам. Сто граммов водки стоили 4 рубля, кружка пива – полтинник, бутерброд 40 копеек. Никаких столиков, скамеек или стоек у ларьков не полагалось, товар подавался изнутри прямо в руки покупателю, а продавщица держала под рукой свисток, чтобы предотвратить хищение стаканов или кружек.

Для тех, кто любил посидеть, не спеша потолковать и побаловаться такой же немудреной, но более разнообразной закуской, работали пивные. Самая популярная из них была расположена на первом этаже двухэтажной «Чайной» ныне снесенной, возле кинотеатра «Родина». Там тоже подавали и водку, и пиво, и закуски, но подороже. Было тепло, были столики, стулья, ложки и вилки. Но главное – буфетчиком там был Ананий Иванович. Это был плотный лысый человек с усиками шириной от ноздри до ноздри, лет пятидесяти, никогда не улыбающийся и, говаривали, совершенно не пивший. Знаменит он был тем, что давал выпить и закусить «под крестик», т.е. в долг.

В нашем доме на Стрелецкой улице, недалеко от этой пивной, жили два уцелевших инвалида-фронтовика. Будучи истинными шуянами, оба даже не мыслили и дня без выпивки; в то же время оба работали и были на хорошем счету. Мы, дворовые мальчишки, беспрекословно исполняли самые разные их поручения по утолению жажды и считали за честь послушать их возбужденные воспоминания о войне и очень интересные рассуждения об окружающей жизни. Так я узнал о причине огромной популярности Анания Ивановича. Оба наших соседа прошли через его «крестик», и оба, не заплатив в положенный срок, были навечно вычеркнуты из списка его клиентов. Оба как настоящие мужчины признавали его правоту; оба были благодарны ему за короткую, но столь важную помощь. Они, конечно, кое-как обходились и без его «крестика», но хмельными вечерами обязательно его вспоминали и пытались даже рассчитать размеры его «оборотного капитала».

Я хорошо помню Анания Ивановича, потому что много раз видел его не только в этой «Чайной» (там выдавали обеды «на вынос» по талонам), но и в

буфете монастырской бани, где он работал до этого. Но я не знаю не только его жизни, но даже его фамилии; знаю лишь, что так публично рисковать в те времена в торговле мог только незаурядный человек. Сам по себе факт масштабного личного ростовщичества в глубинке Руси в конце сороковых – начале пятидесятых годов интересен и многозначителен, и как было бы интересно исследовать и документировать эту истинную быль и, может быть, увековечить память предпринимателя Анания Ивановича!

Серебряная медаль

Весной 1954 г. я сдавал выпускные экзамены в моей родной Шуе, в школе № 2. Учился я хорошо, к большому числу экзаменов мы привыкли за предыдущие годы, все шло своим установленным порядком, как вдруг в середине сессии...

Были у меня некоторые проблемы с «поведением» - так тогда называлась дисциплина – но чтобы *во время экзаменов ко мне домой* явилась собственной персоной завуч нашей школы, заслуженный учитель республики, депутат и т.д.! Я решил, что набедокурили мои друзья и сейчас начнется дознание.

Однако завуч, едва присев на зеленый сундук возле печки-лежанки, сразу перешла к делу, совершенно для меня неожиданному. Она сказала, что школу нашу постигла беда: письменные работы по математике почти всех потенциальных медалистов «завалены» областным отделом образования и лишь несколько выпускников, в том числе и я, удостоились «пятерок». Из этого следовало, что я становился потенциальным медалистом, но при одном условии: мне надо «пересдать» астрономию. Этот предмет мы проходили ранее, в восьмом классе, но за год тогда у меня была выведена четверка, а не пятерка. С остальными же предметами, сказала завуч, у тебя все в порядке, ведь ты же у нас отличник. Она ни словом не обмолвилась о замечаниях по поведению, из-за которых я не попал в ряды «потенциальных» с первого раза, и я воспринял это ее молчание чуть ли не как наш с ней разговор.

На всякий случай я спросил, знает ли об этом директор школы, которого уважал и побаивался. Она попросила не задавать глупых вопросов и сказала, что меня ждет (!) преподаватель астрономии, очень известный не только в Шуе и Иваново ученый-краевед. Астрономию он преподавал в нескольких школах то ли потому, что дисциплина эта была редкой, то ли затем, чтобы заработать на хлеб насущный. Совершенно раздавленный сомнительностью теперь уже *наших* с завучем действий и страхом общения один на один с очень авторитетным в городе человеком, да еще по столь щекотливому делу, я отправился по врученному мне адресу.

Ученый жил в собственном деревянном доме на Советской улице, в отдалении от центра. Это был необычайно тучный и очень добродушный человек. Сказав, что ждет меня, и увидев мое смущение, он начал рассказывать мне о своей учебе в Ленинградском политехническом институте, куда я

собирался поступать; о том, как понял там, что техника – не его удел, и перевелся в Ленинградский Университет. Он сказал мне, что, возможно, и со мной произойдет нечто подобное, это не так важно, а вот уехать из Шуи в Ленинград, попытаться понять этот город и изучить хотя бы малую часть его культуры – это крайне важно. Он рассказывал мне о том, чем занимается, как-то по-особому перебирал стопки бумаг на огромном столе, и я впервые соприкоснулся с неизвестным мне тогда миром самостоятельных размышлений и независимых суждений. Мы беседовали (вернее, я зачарованно слушал его) более двух часов, после чего «пересдача» астрономии была закончена, и он проводил меня с пожеланиями успехов в познании мира. Многое из того, что он мне посоветовал, стало моими жизненными принципами – это, конечно, больше, чем любая медаль.

СОДЕРЖАНИЕ

❖ Баделин В.И. Богатые в прошлом тоже плакали	3
❖ Шустов А.А. Семья священников Извольских	6
❖ Ставровский Е.С. Учительская семинария: две неудавшиеся попытки открытия.....	8
❖ Боровкова И.В. Шуйский сюжет в рассказе К. Бальмонта «Ливерпуль».....	12
❖ Добрынина А.М. Курьезные эпизоды из жизни провинциальных клубов (по материалам Владимирской губ. 2 пол. XIX-нач. XX вв.).....	15
❖ Балдин К.Е. «Серые разбойники» или пилюли для волков.....	18
❖ Ставровская Е.В. Я.И. Борисоглебский: издатель, поэт, краевед.....	22
❖ Монахова О.А. Шуйские черносотенцы в «Ковровских вестях».....	25
❖ Грамматин А.С. О последнем зрителе Шуйского духовного училища М.В. Грамматине.....	28
❖ Добычина Т.А. «Шуйское» письмо преподобного Иосифа, оптинского старца.....	31
❖ Возилов В.В. Рукописный журнал шуйской интеллигенции.....	34
❖ Шептуховская Н.С. Судьба Спасского храма в записках его последнего настоятеля....	40
❖ Иванов Ю.А. Совхоз-монастырь: как закрывали православную обитель.....	43
❖ Шилов Л.Н., Иванов Ю.А. Из Рыковских в Пушкинские: история одного переименования....	46
❖ Мержанов С.Б. Про наличник (Эффект «перевернутого кадра» в народной архитектуре Ивановского края).....	48
❖ Дубровский П.С. История о том, как «Кулак» увековечил своего автора (История одного портрета).....	53
❖ Батырева Л.П. Калиги, калишки и калики.....	56
ЗАПИСКИ ПРОВИНЦИАЛОВ: ВЕК XX	
❖ Куратов О.В. Мои записки.....	59

НАШ АНОНС

Уважаемые коллеги!

Шуйский историко-художественный и мемориальный музей и Шуйский государственный педагогический университет приглашают Вас принять участие в Чтениях по региональной казуальной истории «Уездная старина».

Мы ждем от Вас материалов, связанных с историей Шуи и Шуйского уезда как в границах Владимирской губернии, так и в границах Шуйского района Ивановской области в период с конца XVIII в. до 20-х гг. XX в. Нас интересуют сообщения о любопытных фактах, случаях, событиях (возможно, анекдотических, но достоверных), об этнографических фактах истории уезда (обычаи, обряды, суеверия), биографические материалы о забытых незаурядных людях.

Нам интересны аналогичные материалы об уездной жизни во Владимирской, Костромской, Нижегородской и Ярославской губерниях в указанный период.

Ждем от шуян документальных свидетельств о жизни в городе в прошедшем XX веке.

Провинциальный анекдот: Чтения по региональной казуальной истории. Вып. II. – Шуя, 2002. – 68с.

Ответственный редактор: Т.В. Пивова (директор ШИХММ)

Научный координатор: Ю.А. Иванов (канд. ист. наук, доцент ШГПУ)

Компьютерный набор, верстка: Е.В. Ставровская

ЛР № 020079 от 19.02.1998 г.

Подписано к печати 20.02.2002.

Формат 60x84 1/16. Печ.л. 4,25. Усл.печ.л. 4,45. Тираж 200.

Рекламно-полиграфическое предприятие «Джет»

155900 Шуя, ул. Свердлова, 5.